

Три героя,
два мира,
одна планета

ЗЛАДЕРИОНИА

ТОМ I

Тройнов Иван

Annotation

Эллариония – планета контрастов. Снаружи она наивна и красочна, а внутри холодна и жестока. Снаружи народы живут в мире уже сотни лет и практикуются в магии, а внутри бедные жители гибнут от истощения, войн и политических распрей. Неизвестно как, но идеальный баланс жизни и смерти поддерживался веками. И так могло продолжаться бесконечно, но однажды один старый маг услышал манящую мелодию... Так началась загадочная история трёх героев, чьи судьбы оказались переплетены задолго до знакомства.

Иван Тройнов

Эллария

Пролог. Мелодия бесконечности

«О музыке можно говорить только с человеком, постигшим смысл вселенной»

Герман Гессе

В долине вечной мерзлоты, что находится на отшибе материка под названием Тефтонг, стояла скрытая от чужих глаз маленькая охотничья лачуга. Здесь, среди льда и снега, жил маг-отшельник. Мужчина, чей возраст перевалил уже за сотню, для своих лет выглядел очень молодо.

Если спросить у торговцев в деревне Ханивуд, куда он изредка совершал длительные пешие походы, дабы пополнить запасы провианта, то никто не дал бы ему больше шестидесяти. Крепкий, носил за спиной двуручный молот и выглядел так, будто нередко пускал оружие в ход.

Старожилы деревни между собой шутили: маг настолько плох в магии стихий, что не может защитить себя, и потому таскает с собой тяжёлое оружие. Не за самоцветами же он здесь, в самом деле?

Носил длинную фиолетовую робу с капюшоном, что выдавало в нём мага из академии и толстые меховые сапоги. Картину дополняли длинные седые волосы, завязанные в пучок. Местные детишки дали редкому гостю прозвище «Ильфтонгский медведь» радуясь его появлению. Каждый раз он устраивал для малышей маленькие волшебные представления. Маг удивлялся прозвищу и просил называть его просто – дедушка Эмпириан. На досужие темы он разговаривал неохотно. Покупал в основном мёд и сушёные фрукты, что росли на границе с холодным регионом и отправлялся обратно, в долгий путь к своему уединённому жилищу. Туда – где лишь ветер был ему собеседником.

И когда маг покидал Ханивуд – последний оплот тепла и уюта на границе с холодными степями, старая женщина Хильда, сидя на лавочке возле дома, рассказывала детям историю о том, как отшельник впервые появился у ворот поселения.

Маг скитался по разным уголкам Тефтонга так долго, что отрастил бороду до пояса, и очень устал от ночёвок под открытым небом. К тому же, ночи были тем холоднее, чем дальше на север он продвигался. Именно поэтому не смог он себе отказать в радости переночевать в тепле, прежде чем ступить дальше, на север. Путник обходил дом за домом стучась в поисках крова, но никто не решался впустить к себе незнакомца.

Обойдя каждый дом, каждую дверь, маг не нашёл отклика в сердцах жителей деревни. Практически смирившись с тем, что будет ночевать на улице, он грузно поднялся на крыльцо маленькой, слегка покосившейся избы.

Эмпириан пару раз стукнул кулаком по входной двери, отчего она чуть было не слетела с подгнивших петель. Навстречу отшельнику, выпучив глаза, вышла маленькая старушка Хильда:

– Чего ты по двери барабанишь, косматый?! Сломаешь ещё!

– Здоровья вам и вашей семье, мудрая женщина, – с отстранённой улыбкой блаженного, отшельник поприветствовал хозяйку. Глаза его будто смотрели сквозь Хильду.

– Какой ещё семье? Я своего деда похоронила шестнадцать лет тому назад! А детей у нас никогда и не было! Нет у меня семьи, одна я осталась. Говори чего хотел, али проваливай! – со злостью ответила старуха.

– Сожалею о невозполнимой утрате и скорблю вместе с вами. Я всего лишь усталый замёрзший путник. Прошу, разрешите у вас переночевать? Могу спать и на полу, – размеренно говорил Эмпириан.

– Шастают тут разные, спать не дают! Так уж и быть, заходи давай. Но кормить мне тебя нечем, – слегка успокоившись ответила бабка.

– Благодарю, мудрая женщина. В такой день грех не протянуть руку помощи нуждающемуся. Я был уверен, что вы не откажете. А кормить меня не нужно, я ел несколько дней назад.

Глаза хозяйки заметно расширились, но она молча пустила незваного гостя в избу. Вопреки ожиданиям Хильды мужчина не жаждал разговора. Представившись Эмпирианом, он расположился в углу избы, извинился за беспокойство в столь поздний час и, сев в позу лотоса, стал медитировать. Высоко подняв подбородок, мужчина с закрытыми глазами напевал незнакомый для старухи мотив.

Хильда ходила по избе, бросая косые взгляды на седые волосы странного гостя, и гадала: сколько же ему лет? Он никак не реагировал на присутствие женщины, поэтому та плюнула, затушила свечи и легла в кровать. Сон не приходил, и, ворочаясь в кровати, женщина громко вздыхала, давая понять, что он ей мешает. Гость всё так же мычал нечто похожее на мелодию. Поохав, она не выдержала и села на кровати:

– Ты чего это развылся? Ложись давай-ка спать, покамест, не выгнала тебя на холод волчий! – проворчала старуха, заметив, что гость не обращает на неё никакого внимания. Длинная фиолетовая мантия и набор мешочков разного размера на поясе вызывали у неё интерес. Повысив голос, старушка повторила:

– Э-эй, юродивый! Откуда будешь-то?

– Ох, её песня так прекрасна, простите, если доставил неудобства, – Эмпириан помотал головой, отрываясь от грёз. – Я паломник, ищу места силы. Чем дальше на север двигаюсь, тем отчётливее слышу песнь бесконечности.

– С югов, да? И чего же, у нас тут в Ханивуде место силы, что ли? И что ещё за песни, энтой вашей, как её... бесконечности?

– Не здесь, но вы правы, уже совсем близко... Вы только послушайте! – ответил маг, покачивая головой в такт неуловимой мелодии.

– Совсем свихнулся, голубчик! – всплеснула руками Хильда. – Ничего я не слышу, ставни-то закрыты! Да и кого там слушать-то? Как волки воют?

– Красоту песни не передать словами, но я могу поделиться с вами тем, что слышу сам! Если хотите, конечно... – с воодушевлением сказал Эмпириан вставая с пола.

– Красиво говоришь... Ну давай, что ли. Глядишь, усну скорее.

Маг подошёл к кровати, сел рядом и прикоснулся указательными пальцами к вискам хозяйки. Хильда закрыла глаза и услышала нежный женский голос.

О чём они с Эмпирианом разговаривали до самого утра, Хильда не запомнила. Как не запомнила и того, что услышала. Всё, что осталось в памяти – это ощущения. Растекающееся по телу тепло. В памяти осталось чувство счастья и толика тоски. Она представляла, как вместе с мужем, сидя перед окном, слушает завывающий студёный ветер, попивая дымящийся пряный чай. Чувствовала аромат свежих подснежников, что пробиваются по весне сквозь подтаявший наст, сорванных любимым по дороге с лесоповала.

Под утро странный гость ушёл. Хильда проснулась с улыбкой и желанием поддерживать в душе тёплые эмоции. Никто больше не видел, чтобы она ворчала на детей, играющих у её

забора. Напротив, бабка стала чаще рассказывать им истории из своего детства, местами, конечно, очень преувеличивая. Даже старый сосед, привыкший ругаться с бабкой через забор, повадился к Хильде в гости. То цветочек подарит, то дров наколет.

Большинство соседей обрадовались такому преобращению, и с тех пор с охотой встречали гостя.

***

С тех событий прошло уже больше четырёх лет. Эмпириан, посапывая, лежал на кровати в старой охотничьей хижине. На устах его теплилась улыбка. Пытаясь нащупать нечто, что было рядом лишь во сне, рука соскользнула с кровати. Морок окончательно оставил мага, и выражение лица вмиг стало привычно каменным. Сев на кровати и оперев голову на руки, Эмпириан подумал:

«Ничего не забыл? Надо ещё раз проверить расчёты».

Подняв с пола толстую записную книжку, пробежал глазами по записям. Всё готово ещё со вчерашнего вечера, не хватало лишь дневного света. Лучи светила требовались для ритуала по двум причинам:

– Первое – нужно как можно больше хаотичной энергии, – вслух прочёл маг, хотя наизусть знал каждое слово.

И правда, рядом с тем местом, где жил отшельник, было мало не только «Энергии», там вообще ничего не было, кроме, конечно, замёрзшей воды, ветра и снега. Эмпириан жил в северной точке долины, в низине возле замёрзшего водопада. Движение давно покинуло это место, ночью здесь вмиг замерзало даже дыхание, что уж говорить о воде. Чтобы добраться до ближайшего леса, где водилась хоть какая-то живность, приходилось идти не меньше трёх дней.

– Прости, дорогая. В этом забытом Юни месте я слышу тебя лучше всего. Но исполнить задуманное здесь гораздо сложнее, – сказал маг в пустоту. Такого рода общение давно заменило ему реальных собеседников. Он продолжил читать:

– Второе – в пещере без света Фолио слишком темно. Да, без этого никак. Я могу осветить грот огнём, но энергию на такие пустяки тратить не имею права. У меня всего одна попытка...

Откинув одеяло, он встал с кровати. Съел кусочек сушёного имбиря, предварительно обмакнув его в пиалу с мёдом, и стал спешно одеваться.

За долгие годы изучения энергии Эмпириан научился обходиться без еды, но, как и любой уважающий себя архимаг, уделял пристальное внимание подпитке основного магического катализатора – мозга. Как автор множества трудов на тему «Преобразования хаотичной энергии в структурированную» он знал, что ключ к использованию магии – серое вещество в мозге человека. Поэтому так важно правильно питаться и обязательно хорошо спать.

Хижина отшельника казалась очень маленькой, но ему хватало. Возле кровати стоял маленький стол с небольшими мешочками, баночками и деревянной миской, в которой Эмпириан толоч сушёные травы. Их пучки висели на ледяной стене перед столом и уже покрылись инеем. В углу стола ютились письменные принадлежности: пожелтевший пергамент, высохшая чернильница, пара старых перьев, и дорогая сердцу мага печать. Оставшаяся как память со времён преподавания в академии юных магов и подмастерьев печать гласила «Ректор Академии Ласкерля, Архимаг – Эмпириан Раф Соргет Неглеген».

У стола ютились бережно приставленные инструменты: пила, молоток, зубило. Любый житель континента, увидев такие инструменты в доме выдающегося мага, посчитал бы, что хозяин просто изредка любит поработать руками, но здесь эти инструменты пускались в ход с завидной частотой. С противоположной стороны от стола, у кровати, лежала тонкая ткань, покрывающая слой старой сухой соломы. Это место служило для медитации, если снаружи зверствовала пурга. Эмпириан старался как можно больше времени проводить на улице, ведь даже в самом хлётком порыве ветра ему мерещился голос. Уверенный, манящий и невероятно приятный женский голос.

– Я заставил тебя ждать так долго! Но пойми, дорогая, человеческий мозг не может долго существовать без сна!

Эмпириан подошёл к окну, по форме напоминающее каплю воды, он был очень горд, когда сумел получить из толщи льда достаточно прозрачный и прочный кусок, подходящий вместо стекла. Эта гордость посетила его и сейчас.

Фолио висел высоко в небе, и маг определил, что скоро полдень.

– Э-эх ты! Чуть не проспал! – маг спешил и путался в одежде, лишь бы не пропустить, когда светило окажется в зените.

Схватив один из лежащих на столе мешочков, он вышел из маленького жилища, построенного с помощью магии изо льда, соломы и принесённой с ближайшего поселения охапки досок. В руке у мага на свету блестели драгоценные самоцветы. Некогда он мог позволить себе гораздо большие богатства, но отрешившись от всего мирского, пришлось отринуть и материальное.

– О, я уверен, что ты поймёшь. Ведь ты являлась ко мне в видениях столько раз, потому что знала, только я смогу найти тебя.

На улице он кинул взгляд на огромный двуручный молот, лежащий у входа, инкрустированный золотым гербом гильдии магов Ласкерля в виде магического посоха на фоне каплевидного щита.

– Там, куда я направляюсь, ты мне не понадобишься, старый друг, – сказал Эмпириан и занёс оружие в жилище.

– Ну что же, – с грустью вздохнул он. – О, моя дорогая! Как только мы будем рядом, я расскажу тебе о своей жизни всё, что пожелаешь. Но не хочу обременять себя вещами, навевающими ностальгию. Пусть прошлое не стесняет нас.

Продолжая разговор с фантомным собеседником, маг дошёл до гигантских размеров сосулук. По преданиям, они образовались, когда титанических размеров водопад замёрз в одно мгновение. Благодаря этому, свет сквозь воду проходил как сквозь кристально чистое стекло. Но не только этим славилось место, где жил отшельник. Это была самая северная точка Тефтонга, помеченная на карте Элларии как низменность «Хватка бесконечности». Ею заканчивалась «Долина вечной мерзлоты».

Долина лежала ниже уровня моря и глядя на замёрзший водопад самые пытливые умы из академии Ласкерля, – да, что там академии, – даже высшие маги Ласкенты ломали голову над загадкой: «Всем известно, что реки текут с гор, впадая в озёра, моря и океаны, но куда мог впадать океан?» К сожалению, с незапамятных времён помимо мороза «хватку бесконечности» облюбовали ещё и белые волки. Никто не горел желанием изучать замёрзшие водоёмы, подвергая жизнь опасности.

Кроме отшельника.

– С тех пор как я узрел истинный смысл твоих слов, прошёл год, любовь моя. Кажется,

тогда здесь было теплее, – понизив голос произнёс Эмпириан, проходя по недавно прорубленному в водопаде лазу. Толстый слой льда потрескивал под лучами Фолио, встречая гостя. Чистота льда позволяла свету практически без препятствий попасть внутрь небольшой пещеры. Там перед взором отшельника предстали вырезанные из льда пьедесталы, расставленные вокруг невысокого ледяного постамента. Маг собственными руками сделал их, не используя магию. Эмпириан быстро обошёл пьедесталы и положил в каждый по самоцвету приговаривая:

– Фиолетовый, голубой, зелёный, жёлтый, и оранжевый – по краям. Белый подо мной, чёрный надо мной. Всё готово? Чтоб тебя, я забыл записи...

Кинув короткий взгляд назад, он на мгновение задумался и, пожурив себя за неуверенность, принялся раздеваться.

– Я уже рядом, Милая! Осталось сделать лишь шаг, – маг снял утеплённую робу и большие самодельные сапоги, сбитые из прутьев и меха. – Всё это время ты была так близко и так далеко!

От влаги глаза отшельника сверкнули в искрящемся среди ледяных глыб свете. Штаны и льняная рубаха упали на пол. Оставшись нагим, Эмпириан замер и прислушался. Вдалеке гремел гром, но не это настораживало. Кажется, что сама земля где-то в глубине гремела и трещала. Ещё ни разу маг не чувствовал в низине ничего похожего на землетрясение. Последнее на его памяти было более двадцати лет назад.

Отшельник выдохнул, прогоняя лишние мысли. От холода тело пробила дрожь. Эмпириан стоял совсем голый посреди огромной глыбы льда и сдерживался, чтобы не потратить ни крупицы энергии на обогрев тела. Но это было уже не нужно.

Где-то очень далеко, но, казалось, что совсем рядом, звучали знакомые стихи, которые маг знал наизусть. Он единственный, кто слышал едва различимые, но успокаивающие рифмы. На устах проступила блаженная улыбка.

Встав в центре между пьедесталами, Эмпириан закрыл глаза и волевым усилием прогнал дрожь. Сконцентрировавшись на энергетических следах драгоценных камней, маг изменил их кристаллическую решётку. Отшельник вызволил накопленную в камнях энергию, но удержать её внутри грота стоило невероятных усилий. Grimаса напряжения исказила лицо мага. Голова, казалось, сейчас взорвётся. Нужно собрать энергию в поток и придать ей ускорение.

Помещение наполнило розовое свечение. Это было заметно даже сквозь закрытые глаза. Температура нарастала, пьедесталы плавилась, превращаясь в невысокие кочки. С потолка капала оттаявшая вода.

– Я иду... – выдохнул маг и отпустил энергию, направляя её вниз по спирали.

На ледяном полу грота осталась лежать мокрая одежда.

Глава 1. Комен. Вознесение

«Избранный воин, сняв с пояса меч, Грезит свободой, к утру засыпая. Выйди, давай же, сними ношу с плеч! Впредь не уснёшь от собачьего лая!»

Из сказаний «Об охотнике за грозами»

Комен проснулся от света фиолетовой вспышки.

– Ой! Прости, я не хотела тебя будить, – отдёргнув ладонь запричитала женщина. – В последние дни воздух так наэлектризован... Ох, я волнуюсь за тебя, сынок. «Рождение» должно произойти уже сегодня. Бледная женщина с впалыми щеками сидела на кровати рядом. Она ласково улыбалась и гладила сына по волосам цвета соломы. В их жилище не было окон, лишь аккуратные щели, чтобы пропускать тонкие лучи света и точно освещать стол и скудные элементы быта.

– Да я... уже не спал, – потирая красные от недосыпа глаза ответил молодой альбос.

Кровать, высеченная из камня во время строительства, застеленная шкурами домашних животных, была единственным предметом роскоши в жилище. Женщина, закатав рукава старого тонкого платья, встала, чтобы зачерпнуть кувшином воды из каменного сосуда в стене.

– Умойся, прежде чем идти, дорогой.

– Да, Мам. Конечно, – помассировав виски Комен встал и подошёл к одной из щелей в стене, глядя на кристалл исполинского размера, висящий высоко в небе. Правая бровь, разделённая на две части тонким шрамом, поднялась в удивлении:

– Он совсем красный! Почему так быстро? Последний ритуал «Рождения» провели всего двадцать лет назад!

– Эх, если бы я знала, Милый. Ион Сол решил, значит, так тому и быть.

Подойдя к маленькой каменной раковине, украшенной осколком потёртого зеркала, Комен умылся. Растерев лицо руками, он глубоко вздохнул. На него смотрел взрослый мужчина, хотя он так не считал, ведь сколько ни старался, не мог отрастить даже лёгкую щетину. Красные прожилки на небольших впалых глазах с кругами от недосыпа лишь дополняли картину. Впрочем, красные глаза отличительная черта альбосов, работающих у жаровен в ювелирной кузнице. И пусть Комен ещё только подмастерье, хозяин кузницы обещает, что при должном усердии можно добиться больших высот.

Плеснув в лицо застоявшейся водой, Комен оскалился своему отражению:

– Я не должен туда идти. Это неправильно. Вдруг они заберут меня, как отца? У тебя никого не останется!

– Я тоже волнуюсь, сынок. Но твой отец был избранным! Это наша святая обязанность, и смысл нашей жизни – великий ритуал «Рождения». Тебе нечего бояться. – ворковала мама, разглаживая ладонью мятую холщовую рубашку с капюшоном для сына. На её предплечье проступали узоры, причудливые родимые пятна, издающие бледное фиолетовое свечение. – Я буду бесконечно счастлива, если и тебя коснётся его благо.

– Мам, я беспокоюсь не о ритуале, а о тебе. Плевать я хотел на стекляшку. Посмотри на свои печати, они совсем бледные. Сол тянет из тебя остатки, ты должна больше отдыхать. Поешь и ложись. К вечеру, после ритуала, я принесу батат. Мастер-ювелир обещал заплатить за мои заготовки.

– Ты такой заботливый... – склонив голову на бок, сказала мать.

– А меня ждут друзья. Я должен встретиться с ними перед началом ритуала.

Разглядывая отражение Комен наслаждался видом собственной печати. Такие пятна были у каждого ионийца. У кого-то они больше походили на странные татуировки, у кого-то на фрактальные узоры. У менее везучих печати выглядели как бесформенные пятна, кляксы, разлившиеся по телу. Но их объединяла одна общая черта – это данный с рождения дар Великого Ион Сола – огромного бездушного кристалла, состоящего из чистой энергии. Каждый житель Ионии знал – печать – это своего рода сосуд с энергией. В зависимости от цвета, которым она пульсирует, можно определить её количество.

Также любой Иониец знал и страшную истину – Ион Сол вправе забрать дар и жизнь, если ему это потребуется, высосав всю энергию без остатка во время ритуала «Рождения». Комен имел честь носить печать Ион Сола в виде окружностей разного диаметра, расходящихся как круги на воде от левой груди по торсу и всей левой руке. Рисунок не представлял особой красоты и светился всего лишь жёлтым, но Комен очень любил его, как нечто уникальное. Глядя на свою грудь и руку, он чувствовал себя особенным.

– Я знаю, что ты у тебя на сердце, милый. – успокаивающе ворковала мать. – Тобой управляют эмоции. Когда великий Ион Сол коснётся тебя могуществом, ты станешь более рассудительным. Это и плохо, и хорошо. Но я знаю, ты сможешь выполнить своё предназначение, какой бы жребий тебе ни выпал. Иди, я воспою песню защитницы Гаи тебе в помощь.

Сложив поднесённые ко лбу ладони, женщина тихо запела.

Комен прорычал в ответ:

– Ты думаешь, я трушу? Не в этот раз! Прошу тебя только об одном, если заберут меня, на этот раз не отказывайся от вознаграждения.

Входной дверью жилища служил толстый каменный диск-эксцентрик, запечатывающий проход. Быстро одевшись и откатив плиту, альбос пустил пучок слепящего света в дом и окинув мать взглядом на прощанье, вышел наружу. Диск по инерции медленно вернулся в начальное положение, закрывая вход.

В воздухе висел редкий туман. Дождь моросил, словно рой крошечных комариков, резко меняющих направление, повинуюсь потокам воздуха. Комен сблизил большой палец с указательным и увидел тонкую фиолетовую дугу, сопровождающуюся звонким щелчком разряда:

– Ничё себе... Надеюсь, это нормально, – удивлённо пробормотал он, подходя к соседнему крыльцу. – Кас! Ты у себя? Я хочу есть!

Спустя несколько мгновений послышался глухой голос:

– Да, уже иду!

Соседняя дверь открылась и наружу вышел худой альбос. Несмотря на худобу, Кас обладал рельефными мышцами и любил обнажать их, красуясь перед девушками. Надев короткую накидку с капюшоном, приятель вышел из дома. Он нарочно не застегнул пуговицы рубашки, чтобы его пульсирующая татуировка во весь торс была видна получше.

– Хочу, чтобы не случилось, выглядеть потрясно, – сказал Кас и рукой поправил бурые волосы.

– Ха, как потрясный болван, – с добродушной ухмылкой ответил Комен и распахнул руки для объятий. – Ты как? Я почти не спал.

– Да уж... Уснёшь тут. Мать двадцать раз за сон повторила: «Он всё и всех изменит к

лучшему», отец делал вид, что спит, но, когда он по-настоящему спит – ужасно храпит, что без затычек не уснёшь. Значит, тоже волновался.

– Ха! Да уж, знаю, – ухмыльнулся Комен. – Ты слышал, о чём говорили те упыри с нижнего района Некрас и Волот?

– Чтобы взорвать Сол до того, как он нас изменит? Верить в бредни идиотов, нюхающих пыльцу? – с отвращением произнёс Кас.

– Я не об этом. До стекляшки они не доберутся, – Комен показал пальцем вверх. – Не додумались бы они чё-нибудь выкинуть на площади, там наверняка будет много народу.

– Не знаю... Я сейчас о другом думаю. Мой папа совсем ослаб в последнее время... Если бы Сол выбрал меня, родителям хватит денег, на достойную старость...

Комен двинулся в сторону выхода из ущелья, в котором они жили и взмахом руки пригласил товарища проследовать за ним:

– Понимаешь, он ведь и ослаб в свои сорок лишь потому, что Сол выкачивает из нас силы! Это хорошо, когда у тебя печать в полтела, а сил хоть отбавляй, тогда, пожалуйста, радуйся. А радоваться ты будешь ровно до того момента, пока эта блестяшка-переросток всплеском тебе все эмоции не пережжёт. А чё потом? Будешь в послушниках ходить до самой смерти, со стеклянными глазами?

– Комен, мы знакомы практически с рождения, – Кас положил на плечо друга руку. – Ты правда думаешь, что мне этого хочется? А что ты предлагаешь? Для меня любой выход правильный, если родители останутся живы и здоровы.

– Ха... Моего отца забрали, а лучше от этого никому не стало.

– Зато мы живы! Ты же знаешь, что неспроста гильдия Арконианы проводят свои исследования. Если сорвётся ритуал, то умрут все, кого мы любим, – Кас шагал, уставившись под ноги. – А навредить Солу – это даже не выход, чистое сумасшествие. Платформы не поднимаются вплотную.

Друзья добрались до спуска из многоуровневого ущелья. Спускаясь по лестнице, выбитой в камне скалы они накинули на головы капюшоны. На просторах Ионии добывались десятки разных минералов и драгоценных камней, но прозрачный материал попадался нечасто, и ещё реже попадались куски тёмного стекла, из которого мастер-ювелир за немалую плату согласился бы сделать очки. Лишь самые знатные и богатые альбосы могли позволить своим глазам не уставать от бесконечного яркого света кристалла. Местные предпочитали выходить на улицу только в пасмурную погоду. А те, кому не повезло трудиться целый день под открытым небом, шили себе глубокий капюшон из толстой шерсти. Такая накидка спасала от лучей, но при этом сквозь неё ещё можно было разглядеть дорогу. Подобный аксессуар можно было найти у многих ионийцев Ильдраира.

Комен радовался искреннему разговору с другом. Прошедший сон заставил переосмыслить жизненные ценности, и он хотел поделиться переживаниями:

– Значит, должен быть другой выход. Но я не вижу его! Мама говорила, что последний раз ритуал проводился двадцать лет назад, за несколько месяцев до нашего рождения. Тогда многие альбосы изменились, стали отрешёнными, а некоторые вдруг осознали величие блестяшки. Кто-то стал ему молиться, хотя раньше ненавидел.

– Уж лучше тогда послушником к Аркониане. Они верят в пришельцев с внешней стороны Ионии. Йормин говорил, что пару дней назад видел воронки в море, может, они плывут за нами?

– Чё за чушь, Кас?! Нет никаких пришельцев, и что находится за пределами Ионии, тоже

никто не знает. Мы живём внутри шара, а снаружи камень! Он никогда не кончается! Я был в шахте и видел, как она глубока, – развернувшись к соседу, прокричал Комен. – Хочешь вступить в гильдию к ведьме – пожалуйста. Лучше на Евстрае сгинуть, как по мне.

– А я бы на Корунен сплавал!

– Неважно! На этих островах и живут лучше, чем на нашей каменюке, и нет этой вечно-молодой ведьмы, что мутит воду на Ильдрайре, – сквозь капюшон Комен заметил приближающийся силуэти и спокойно добавил: – Она странная, но на пришельца не похожа.

Приподняв капюшон, парни рассмотрели низкую молодую девушку с острыми скулами, маленьким аккуратным, слегка вздёрнутым носиком, и россыпью блёклых веснушек на белых щеках. Из-под капюшона по плечу спускалась длинная, аккуратно заплетённая коса бледно-рыжих волос.

– Привет, мальчики! Кто странная? Я? – голос девушки был нарочито спокойным. – Сегодня с самого утра все на взводе. Мне и самой не по себе.

– Здравствуй, Найра, мы как раз шли к тебе, – не желая продолжать разговор, ответил Кас. – Комен не выспался и немного нервничает. Ты не знаешь, когда начнётся ритуал? Я бы поел перед тем, как идти на площадь.

– Только сильно не наедайся, чтоб от сальных речей прямо на площади не стошнило, – съязвил Комен. Он коротко кивнул подошедшей подруге и устоялся под ноги. Кас позвал товарищей в забегаловку под названием «Счастье уединения». Ребята облюбовали её ещё во времена обучения основным наукам, стоило Найре обмолвиться, что забегаловка принадлежит приятелю её отца.

– Вчера за ужином папа сказал, что Аркониана торопится начать ритуал. Сол не стабилен. Не пройдёт и четверти оборота как послушники начнут церемонию, – все трое взглянули в сторону крупного сооружения, похожего на перевёрнутый конус. Вершину башни украшал символ острова Ильдрайр – лежащий ирбис с ультрамариновыми вставками.

Высокое здание служило в городе ориентиром среди улья каменных домов, но главную функцию играли диски, направленные во все четыре стороны света. Часы, указывающие, что сейчас раннее утро. Их отличительная черта – вращающийся диск, выкрашенный по кругу разными оттенками красного, оранжевого и синего цветов. Он символизировал изменение времени суток и еле заметно вращался. Маленькая статичная стрелка, закреплённая сверху над диском, переливалась чёрным агатом. Сейчас она указывала на розоватый оттенок – раннее бодрствование. Четверть оборота назад указатель был на тёмно-синем, что означает сон. Уже скоро диск докрутится до красного и наступит полдень. Оранжевый цвет символизировал вечернее время. Так, плавные переходы между основными цветами сливались в смежные оттенки, ознаменовывая новый цикл бодрствования и сна. Необходимость такого устройства не ставилась под сомнение. Великий кристалл освещал Ионию в любое время суток без исключения. Без часов можно легко потеряться в течении времени.

– Бабушка рассказывала, – сказала Найра, – что раньше альбосы поднимались к Солу по собственной воле, и не каждый удостоивался такой чести. Почему сейчас всё не так... – еле слышно добавила подруга. Оставшийся путь до забегаловки прошёл под гнётом тишины.

Благодаря тому, что столики в «Счастье уединения» располагались как соты и практически со всех сторон ограждались высокими перегородками, жители Чакра часто посещали забегаловку для личных бесед и обсуждения последних новостей. Не исключением была и тройца молодых альбосов.

– Я всё! – бросил Кас, отстраняясь от недоеденного горшка с овощами. – Сол подери! Я не могу больше молчать, ребята. Мне страшно до жути!

– И мне страшно. Но ведь вместе мы и не через такое проходили! Решили не прятаться, значит, будь что будет! – Найра одной рукой обхватила кисть друга и фиолетовые искры затанцевали на ладони девушки.

– Через такое ещё не проходили... – пробормотал Комен. – Пообещайте, что, даже если вас посетит Сол и вы вдруг ударитесь в послушники, то всё равно останетесь моими друзьями, – сказал он, поочерёдно вглядываясь в лица друзей. – Слышите? Даже если меня заберут, не забывайте этого! Мы – друзья. Где бы и с кем бы мы ни были!

Найра взяла второй рукой Комена за запястье. Комнатку, где они ели, озарила ещё одна фиолетовая вспышка. Молчание затянулось и девушка, дёрнувшись, будто вспомнив нечто важное, выпалила:

– А у меня сегодня во сне было видение!

– Накануне перед всплеском? – удивился Комен, изображая кривую улыбку. – Шикарно, чё! Мы все умрём, да?

Найра потупила взгляд:

– Там был и ты, Комен, твою рассечённую бровь я и во сне узнаю...

– Я? О-о... Плохое-плохое предчувствие!

– Ну-у? Не томи! – уронив вилку потребовал Кас.

– В общем, н-ну... – собравшись с духом, Найра выпалила: – У тебя печати потухли, но ты не умер!

Озноб пробежал по затылку Комена.

Сбиваясь, Найра продолжала:

– Это очень странно, но ты правда был жив и даже радовался! К тому же я видела ещё что-то, вернее, кого-то... Тебя окружали много силуэтов, маленьких и больших, но они не желали зла.

– Да ты свои печати видел? Никто тебя не... – попытался вставить Кас, но Найра не дала ему договорить и быстро продолжила поглаживая Комена по руке:

– Ещё был мужчина в странной одежде, будто он послушник. Молодой, но седой, с добрыми живыми глазами! Ах да, у него тоже не было печатей!

– Короче, обычный сон, – Кас перегнулся через стол и похлопал Комена по плечу. – Мне до ужаса страшно, ведь мои печати оранжевые, а твои только жёлтые. Кто уж из нас двоих пойдёт наверх – так это я.

– Я бы не стала говорить, если бы во сне всё закончилось плохо!

– Ладно. Не мог же на тебя без причины свалиться дар провидицы, – смущённо пробурчал Комен. – Извини, у меня сердце в пятки ушло от твоих слов. Пошли на улицу, хочу подышать свежим воздухом.

На выходе Найра незаметно для друзей оставила в специальной каменной чаше маленький полупрозрачному кусочек стекла.

– Най, а почему вообще происходит это «Рождение»? Мне с детства рассказывали о героях паломниках, поднимающихся наверх к Солу на парящей платформе из мезурита. Но мне до фонаря все эти фанатические бредни. Должно же быть логичное объяснение?

– Что ты хочешь узнать, Кас?

– Знаешь... Я не считаю Сола каким-то божеством, верю в него по-своему, но хочу понять, почему происходит рождение. Почему он забирает нас?

– Из рассказов отца, Сол – это кристалл-служащий для накопления энергии. Когда её становится слишком много, он краснеет и ему нужно помочь. Этой помощью и становятся «паломники», уходящие наверх. Впитав их энергию, Сол взрывается энергетическим всплеском, но не сильно.

– А что, если не помочь? – поднял бровь Комен.

– Это ты у Арконианы спроси. Её гильдия изучает Сола, а я знаю только то, что удалось выведать отцу на светских приёмах.

– Ох уж эти аристократы со светлого района, – закатил глаза Комен. – Светские приёмы...

– Хей! – девушка мягко толкнула его в бок. – Перестань!

– Ничего не понял, честно говоря, – расстроился Кас. – То, что он сосёт из меня энергию – пусть так. Но на что он её тратит?

Найра только пожалала плечами. Вопрос остался без ответа.

Тем временем поток альбосов выносил друзей к месту проведения ритуала. На площади города уже толпились зеваки. Сейчас широкая улица вмещала более тысячи альбосов, и каждую минуту их становилось всё больше. Желавшие понаблюдать за сверхъестественным явлением приходили не только из спального района, построенного под открытым небом, но и из глубокого ущелья, откуда пришли Комен и Кас.

Площадь располагалась на краю высокого утёса, обрамлённая с одной стороны самыми большими и дорогими домами «светлого» района, а с другой, со стороны обрыва её окаймляла длинная белокаменная изгородь, до пояса высотой. Если перегнуться через изгородь, далеко внизу можно увидеть бьющиеся о скалы волны океана, и почувствовать всю мощь каменного острова, на котором в незапамятные времена был построен Чакр. Стрелка часов почти указала на красный, а значит, близится полдень.

Запрокинув голову Комен взглядом выхватил силуэт Ион Сола в багряном тумане. Массивный рубиново-красный камень ромбовидной формы неподвижно висел в небе. Его невероятно огромные неровные грани, будто вытесанные грубым огромным зубилом, вселяли в жителей Ионии благоговейный страх. Время от времени с поверхности великого кристалла срывались бордовые молнии, скрываясь где-то в пучине океана. Вдалеке раздавались глухие раскаты грома.

– Она скоро начнёт речь, надо подобраться поближе! – воскликнула Найра и ребята стали продвигаться в сторону сцены, построенной у самого обрыва утёса. Их взору открылась широкая площадка-сцена, изогнутая как в амфитеатре, окаймлённая сзади невысокой стеной. Четверо послушников волокли к стене лестницу, потому что прямо за ней, чёрные каменные глыбы, висающие в воздухе, образовывали винтовую лестницу ведущую наверх, прямоком в туман.

– Они не падают! Магия! – воскликнул Кас. – Сол готовит путь для наших!

– Я видела такое на картине в библиотеке минералов. Эти камни содержат мезурит, минерал, похожий по структуре на самого Сола, – замерев от увиденного, ответила Найра. – Он ими управляет!

– Вот это мощь! – откинув капюшон Комен всматривался наверх, куда уходила каменная тропа. – Управляет ими как живой!

Друзья заворожённо следили, как подлетающие куски скалы собирались в огромную винтовую лестницу. Постепенно скопление мелких камней превращалось в монолитную конструкцию. Если в каком-то месте не хватало детали, то, в течение нескольких минут туда

сам подлетал камень подходящих размеров и завершал конструкцию, как это делает художник, совершая финальные мазки.

Вскоре на сцену перед тысячами альбосов вышла глава гильдии учёных.

– Тихо, тихо, это Аркониана! – зароптали голоса вокруг.

– Какая она красивая... – выдохнула Найра.

На сцену вышли трое упитанных мужчин в дорогих фраках. В их заплывших жиром лицах Комен сразу узнал аристократов, ответственных за управление шахтой, да и всем городом. Вслед за ними вышла женщина с тёмно-розовым цветом кожи и длинными чёрными как смоль волосами. Разительно отличаясь от бледнокожих альбосов, она притягивала к себе взгляды как мужчин, так и женщин. Тело её дышало жизнью, а в движениях чувствовалась лёгкость и упругость, хотя взгляд и лёгкие морщинки на лбу выдавали её настоящий возраст. Сверкнув золотыми блёстками на щеках, она поднялась на трибуну. Стройную фигуру обрамляла белая, подшитая в талии мантия, инкрустированная красно-золотыми узорами. Вместо капюшона, она носила толстый высокий воротник, и плотно прилегающие к лицу очки из тёмного полупрозрачного минерала.

Дождавшись, когда трое мужчин усядутся позади, глава гильдии учёных, гордо подняв голову, начала речь:

– Уважаемые жители острова Ильдраир и его столицы, города Чакр. Я благодарю всех пришедших за проявленную сознательность. Великий Ион Сол, отец и защитник каждого из нас, готовится принять к себе избранных. На протяжении многих столетий он центр нашего мира и источник всех благ! Великий кристалл дарит альбосам жизни и осознание того, что важно, а что нет. Дарит заботу о нашем народе и наших детях! Сегодня он выходит на новый виток своего существования, и каждый из нас выказывает ему почтение! – Аркониана вскинула руки вверх. – О великий Ион Сол, услышь меня! Прими нашу жертву и сохрани мир в целостности!

Трио друзей внимали каждому слову, жадно пожирая взглядом привлекательную женщину. Комен не мог совладать с эмоциями и стоял разинув рот, впервые увидев учёную так близко.

– Сегодня, когда Ион Сол больше всего нуждается в поддержке, когда он будет максимально незащищен, мы придём к нему и дадим испытать себя до дна! В этом заключается смысл каждого альбоса! Это наша святая обязанность! – после торжественной открывающей речи женщина слегка смягчила голос и, добавив в голос сахара, продолжила:

– Молодые альбосы, прошу всех, кто готов исполнить свой священный долг подняться на эту сцену. Напомню, что нам нужно не менее восьми кандидатов. Ещё шестнадцать претендентов по старинному обычаю предлагают правители островов Корунен и Евстрай. Не стесняйтесь, прошу! – по толпе пробежали робкие возгласы. Кто-то копошился, кто-то ругался с родными. Спустя короткое ожидание на сцену вышли двое претендентов, не знакомых Комену. Ещё одного здоровяка насильно вывели за шкуру послушники.

– Это же Волот! Его что, ведут насильно? – прошептал Комен Касу на ухо.

– Странно, сбежать он не пытается. Не к добру, – ответил друг.

Выдержав паузу, Аркониана продолжила:

– Что же! Прошу присутствующих воспеть песню защитницы Гаи в помощь смельчакам! А послушников прошу спуститься и продолжить отбор претендентов. Каждый из вас знает, что делать!

Пятеро послушников с длинными копьями выдвинулись в толпу, помечая краской лоб некоторых альбосов, выбирая самых энергоёмких. Предпочтения отдавали молодым с красным цветом печати, почти не обращая внимания на девушек. Альбосы в толпе отшатывались от проходящих послушников. Никто не хотел вставать на пути воина, специально обученного для подавления народных волнений.

– Я, – громко сказала Аркониана. – Как глава гильдии учёных, возьму на себя ответственность донести до вас прекраснейшую новость! Наши исследования дали плоды. Жизнь за пределами Ионии существует! Скоро Элларийцы услышат наш зов и спустятся к нам! Совсем скоро мы перестанем быть зависимы и выберемся из заточения в шаре!

По толпе пробежали первые вдохи:

– Так не бывает!

– Ведьмины сказки!

– Не верю!

Разговор о существовании внешнего мира всегда вызывал бурные споры, но сказанное женщиной нельзя было расценить как нечто обыденное. Комен помнил, как двенадцать лет назад прежде неизвестная никому девушка вдруг заявила, что она пришелец из внешнего мира. Назвала себя элларийкой и сотворила огонь у всех на виду. Многие, увидев, как Аркониана лишь среди камня и мёрзлой воды создала источник света и тепла, уверовали, что она посланница Сола на Ионии.

Десять лет назад она основала гильдию учёных и встала наравне с властителями Ильдраира. Так же Комен помнил, какие волнения среди народа вспыхивали в то время. Тысячи погибших в стычках между бездушными послушниками и бунтовщиками, не желающими исказить собственное восприятие мира.

– Что за чушь... – тихо произнёс Комен, потирая переносицу. – Бессмыслица...

Но среди толпы нашлись и те, кто негромко говорил:

– Я знал!

– Наконец-то!

Зеваки разделились на два лагеря, тех, кому новость пришлась по душе, и тех, кто воспринял её с недоверием. Единичные возгласы мгновенно превратились в лавину из невнятных криков и оскорблений.

Кас улыбался собственным мыслям и повторял: «Дождались. Дождались!». Найра с благоговением и открытым ртом смотрела на Аркониану. Комен застыл, представляя, как его отец двадцать лет назад под похожую речь вышел на эту самую сцену, чтобы ценой собственной жизни защитить будущее поколение. Горечь и боль застилала глаза молодого альбоса, скупая слеза, сорвавшаяся с щеки ярко вспыхнула фиолетовым электрическим разрядом, не долетев до земли.

– Это ложь! – взорвался криком Комен и потряс над головой кулаком. – Мерзкая ложь!

– Эй, кто орал! – сквозь толпу к троице прорывался послушник.

– Ты, длинный! – ткнув Каса в грудь, он сурово произнёс: – Пошли со мной, именем гильдии, тебя ждёт Ион Сол!

Кас стоял как вкопанный, часто хлопая глазами. Смотрел то на Комена, то на послушника. Найра коротко вскрикнула: «Нет!», но подоспевший второй послушник подхватил Каса под руку и ему ничего не осталось, кроме как, в трансе шагать в сторону сцены.

По телу Комена во второй раз за день пробежал холод. Ноги стали ватными. Захотелось

присесть прямо здесь, на холодном пыльном камне в середине площади. Что-то внутри него оборвалось в тот момент, а время остановилось. Найра изо всех сил молотила ладонями по спинам послушников в попытке отбить товарища, но бездушные воины оттолкнули её, и та упала рядом с сидящим Коменом.

Резко поднявшись, Найра стала тормошить его и что-то говорить, но в ушах звенело. Он не разобрал ни слова. Первые отголоски всплеска уже доходили до острова, вибрация ощущалась кожей. Спустя десяток глубоких вдохов Комен пришёл в себя. Найра сидела рядом, уткнувшись в его плечо и периодически всхлипывала.

– Уважаемые послушники, воля Ион Сола для нас закон, время не ждёт! – Поторапливала главная учёная, оглядываясь на аристократов. Те хмуро смотрели в небо, ёрзая на позолоченных стульях. Властители города Чакр пытались напустить на себя важный вид, но с каждым раскатом грома их и без того бледные лица становились одного цвета с белоснежными ирбисами, вышитыми на парадных камзолах.

Воины один за другим вывели из толпы Каса и ещё пятерых претендентов. Аркониана, поспешно благословив каждого в отдельности, отправила девятерых паломников к извилистому пути.

– В этот раз великому кристаллу может потребоваться больше энергии! Но велик шанс его божественного снисхождения к смельчакам!

– Треклятая ведьма, – шептал про себя Комен. Лицо Арконианы, мрачнело с каждой минутой. Погода портилась, на макушку Найре упала пузатая капля дождя. Комен смахнул её, прижав девушку к груди. Глядя, как старый приятель вместе с паломниками поднимается по огромной каменной лестнице, Комен выхватил взгляд друга, но не выдержал и со стыдом опустил голову.

Вскоре живые энергетические сосуды скрылись в тумане, но ожидаемый всплеск так и не наступал. Вдалеке гремели раскаты грома, земля под ногами покрывалась мелкими трещинами, и каждый, кто стоял сейчас на камне, ощущал нарастающие пульсации. Спустя ещё некоторое время глазам зевак, находящимся ближе всего к изгороди, предстали маленькие воронки на бушующем море.

Найра подрагивая от холода тихо всхлипывала и прижималась к Комену, её длинная коса то и дело подрагивала на груди. Друзья стеклянным взглядом провожали Каса, хотя тот уже давно скрылся в густом тумане. Для многих на этой площади, ритуал казался чем-то неизведанным и притягивающим. Те, кто был моложе двадцати лет, родились уже после всплеска. Для них Ион Сол был не более чем смешной стекляшкой, нежели ужасающим божеством. Несколько часов назад друзья с трепетом обсуждали предстоящее, волновались как перед первым экзаменом, но текущее потрясение оказалось несравнимо ни с чем. Никто не собирался уходить по собственному желанию, так же как не собирался терять друзей. Но ощущение: «Это просто не может произойти со мной» подталкивали на злополучную площадку для отбора претендентов.

Не начавшись, ритуал казался щекочущей нервы весёлой игрой, а теперь хотелось бежать, спрятаться и не высовываться, пока ветер гром не стихнет. Комен хотел было что-то сказать, но уже в который раз молча проглатывал горький ком в горле.

Поднялся сильный ветер, море неистово бушевало, а на горизонте виднелось несколько нестройных торнадо. Уйти в укрытие не позволяла совесть. Никто из толпы так и не тронулся с места. Альбосы стояли как замороженные, уставившись в небо и ожидая неминуемое.

Найра дрожащим голосом спросила:

– Мы его больше никогда не увидим?

– Ещё увидим, он сильный. Были те, кто выживал... – Комен не смел поднять глаза.

Знал, что врёт сам себе. За сотни лет, если верить слухам, после ритуала остались в живых лишь трое Альбосов. Двоих из них потом уличили в трусливом побеге с платформы вознесения. Жалкие трусы бросили своих братьев и прыгнули в воду, пока летающая платформа не вознеслась к Солу.

«Может, оно того и стоило...» – подумал Комен, оглядываясь по сторонам.

– Почему так долго... – простонал маленький мальчик, сидящий на шее у отца, неподалёку.

Аркиониана подозвала к себе одного из воинов и дала указания, которые из-за надвигающегося грома расслышал только послушник. Спустя считанные мгновения к ней подбежали другие послушники и доложили что-то очень неприятное. Судя по жестике и доносящимся отрывкам фраз, старшая служительница Ион Сола, глава гильдии учёных, одна из самых красивых и желанных женщин Ионии ругалась отборными матами, многие из которых не знал никто кроме неё. Махнув на толпу и выкрикнув приказ, стараясь перекричать гром и ветер, женщина отослала десяток послушников обратно в толпу. Срываясь на крик, прогнала пузанов аристократов, вжавшихся в стулья.

Мокрые волосы липли к очкам. Аркиониана нервным движением спустила их на шею, открыв публике большие карие глаза. Она вернулась на трибуну и, пытаясь перекричать свист ураганного ветра, вещала в поредевшую толпу:

– Нас предали! Альбосы острова Евстрай не отправили ни одного паломника! Это вопиющее нарушение «Великого Тройного Союза»! Станьте героями, не дайте своим близким погибнуть, нам нужны ещё минимум семеро добровольцев, иначе всех нас ждёт кара Ион Сола!

Комен оглянулся по сторонам. В толпе заметно прибавилось послушников. Чей-то мужской голос неподалёку надрывно кричал:

– Я н-не могу, у м-меня ребёнок!

Мужчины ругались, девушки рыдали, кто от страха, кого просто захлёстывали эмоции. Земля под ногами дрожала всё сильнее, где-то внизу волны разбивались о скалы, а ветер разносил капли повсюду, орошая зрителей священного ритуала.

– Быстрее! Этих двух, и вон того, что с девчонкой, – прозвучал приказ в нескольких метрах. – Женщин отводите, чтобы не мешались, у нас мало времени! Выполнять!

– Уважаемые граждане, сохраняйте спокойствие! Чтобы не случилось катастрофы, нам нужны ещё претенденты! Прошу проявить сознательность! – кричала Аркиониана, не жалея глотки.

Комена резко выдернули из объятий Найры. Она хотела дёрнуться вслед, но вспомнила, чем это закончилось в первый раз и закрыв лицо руками опустилась на колени:

– Комен...

– Я сам пойду, отпустите, – рыкнул он. – Найра, позаботься о маме!

Ответ уже невозможно было разобрать в мешанине звуков. Шестеро «избранных» поднимались на злополучную сцену, а из толпы уже вели последнего бедолагу и без проволок провожали к лестнице. Лестница ведущая наверх разваливалась на глазах. Вниз то и дело летели небольшие камни и пыль. Комен, прикрывая голову от осколков, нехотя делал шаг за шагом.

– Х-хоть бы всё это было не напрасно, – послышался голос сзади. – Совет старейшин обеспечивает большие выплаты семьям г-героев.

– Тьфу! Как бы не так! – проворчал Комен. Его блаженная мать, потеряв мужа, изменилась до неузнаваемости. А вместе с тем потеряла и всякий интерес к материальным ценностям.

Комен никогда не винил её. Злость всегда растворялась в любви к матери без остатка, но сейчас он жалел. Жалел и о том, что он не успел оставить потомство, или хотя бы завести долгие отношения с женщиной. Хотя бы полюбить.

Он шёл, то глядя вниз, пытаясь в толпе найти Найру, то рассматривал ущелье, пытаясь определить, где находится его дом и как теперь будет жить мать. Всё думал: «Почему так рано?» – шаг за шагом ноги напрягались всё сильнее.

– В с-самых старых документах говорится, что Иония пережила уже ш-шестнадцать перерождений к-к-кристалла, – позади Комена снова послышался голос, заикающийся от страха. – Если верить этим з-записям, всплески с каждым разом учащались! Последний случился всего двадцать лет назад, тогда как предыдущий промежуток составлял целых д-двадцать пять! По триста полных циклов в тридцать часов.

Витком ниже раздался звонкий шлепок:

– Заткнись, урод!

Гнусавый голос показался Комену знакомым, но альбос не придал этому большого значения.

Вскоре семёрка паломников добралась до пологой части тропы. Комен обнаружил, что стоит на огромной каменной платформе и смог наконец рассмотреть каждого брата по несчастью.

– Это и есть п-платформа вознесения? Видимо, предыдущая уже улетела, – заикался мужчина, что держал сына во время церемонии. Это он развлекал всех во время восхождения интересными фактами.

Осторожно подступившись к краю, Комен взглянул вниз и невольно отшатнулся. Платформа парила на высоте птичьего полёта, откуда открывался потрясающий вид. Далеко внизу укрывшись туманом, лежали верхушки домов, напоминающие кукурузные хлопья в молоке. Всё, что было ниже, разглядеть было невозможно, но ущелье, где жил Комен, плавно перерастающее в гору, представляло захватывающую картину.

Слегка успокоившись после взгляда вниз, он накинул капюшон. Чуть было не потеряв равновесие от начала движения платформы, Комен стал всматриваться в лица окружающих его альбосов, засвеченные сиянием Великого кристалла. Среди них были двое бородатых братьев близнецов с мускулами, будто высеченными из камня. Изредка переглядываясь друг с другом и скрестив руки на груди, они горделиво смотрели на Ион Сола. Его алое нутро пульсировало, издавая звуки похожие на биение сердца. Четвёртым из семёрки оказался печальный лысый мужчина в мешковатой одежде, он не надел капюшон, а, встав на колени, напевал «песнь искупления» и периодически возносил руки к небу. На лбу у мужчины красовалась татуировка в виде ромба в круге, символизирующая Сол. Фанатик.

Взгляд Комена остановился на знакомом лице.

– Некрас? – прошептал он. – О-о, не-ет... Нет-нет-нет! Что он здесь делает?!

Щуплый паренёк с вытянутым вперёд подбородком и длинным, острым носом пристально смотрел на Комена.

«Только не это!» – с досадой подумал он, шлёпнув ладонью по лбу. – «И почему я его

раньше не заметил? Уже спрыгнул бы на скалы!»

Скалясь во весь рот, хулиган, отравлявший Комену детство и юность, пружинящей походкой подошёл ближе. Хлопнув того по плечу, он затянул:

– Ну што-о, малыш-ш, вам всем коне-е-ц!

– Зараза! – рыкнул Комен сквозь зубы. – Опять пыльцы нанюхался. Отвали от меня!

– Знаешь, что-о это такое, а?

Некрас приподнял подол рубахи. На поясе висело нечто вроде драгоценного камня, размером с фалангу большого пальца. Изумрудный кулон на верёвке, похожий не то на зуб, не то на застывшую каплю смолы, притягивал взгляд. Внутри, мерно перетекая из одного конца камня в другой, словно пузырьёк воздуха в смоле, пульсировала энергия.

– Нет, и знать не хочу, – оскалился Комен, сжимая кулаки.

– Это мой билет в безбедную жизнь, малец! – ответил Некрас и расхохотался как безумец. Он не общался почти ни с кем и в широких кругах слыл либо сумасшедшим, либо пыльцовым наркоманом.

Внимание привлёк лысый паломник. Казалось, он пел слишком уж громко. Осмотревшись Комен понял, что каждый на платформе озадачен. Пел не паломник. Голос отдавал железными нотами и точно был женским, но разобрать слов не вышло.

Затем произошёл ряд быстро сменяющихся друг друга событий. Откуда-то снизу возник ярко-голубой столп света и пронзил Ион Сола насквозь. Платформа вознесения рывками замедлилась. Альбосы, не устояв на ногах, попадали на платформу. От кристалла к печатям Комена стали проскакивать тонкие электрические разряды.

«Началось!» – подумал он и принялся молиться. Ни одно слово песни искупления не пришло в голову. – «Как же там было...»

Но помолиться он не успел. Сердце за мгновение ушло в пятки, так как платформа стала резко снижаться, так и не долетев до места назначения.

– Что... Что ты сделал?! – прокричал Комен, требуя ответов, но от скалящейся ухмылки Некраса не осталось и следа. Хулиган был бел как чистый холст, хватал ртом воздух и оглядывался то по сторонам, то глядя на зелёную каплю на поясе. Подползая ближе к Комену, Некрас схватился за ногу парня и задыхаясь прошипел:

– Это не я! Слишком рано! Почему мы падаем?! Так быть не должно!

Платформа набрала скорость и камнем неслась вниз, когда произошёл взрыв. Огромная волна энергии алой лавиной двинулась от кристалла, застилая всё на своём пути. Комен смотрел на надвигающийся всплеск и, хотя его эмоции пока ещё не выжгло, он не чувствовал ничего. За последний час он потерял лучшего друга; пережил расставание с подругой; скорбил, поднимаясь на огромную летающую глыбу, не попрощавшись с матерью; несколько раз вспомнил отца; и испытал ещё массу эмоций.

Сейчас же он безвольной куклой летел спиной вниз, глядя на надвигающийся апокалипсис. В голове одинокой искрой металась мысль: «Как красиво!».

Время замедлилось. Уши заложил оглушающий гром, дошедший на пару мгновений быстрее, чем плотная волна энергии и через несколько мгновений багряно-алый цвет заполнил всё.

Комен громко выдохнул и закрыл глаза.

Глава 2. Меритас. Лорд Хейдина

«Смелость, граничащая с безрассудством, включает в себе более безумия, нежели стойкости»

Мигель де Сервантес Сааведра

Как прекрасен верхний Хейдинбург в затишье перед бурей. Чайки летают низко, почти касаясь крыльями стен крепости, что расположена на скалистом обрыве. Беспокоятся о надвигающемся шторме, но ещё не готовы попрятаться в скале. Редкие деревья, что растут на склонах рядом с крепостью, полны горделивой решимости. Стоят, не шелохнувшись, готовясь противиться надвигающемуся ветру. На горизонте виднеются отблески закатного Фолио, который садится прямиком в воду Хейдинбургской бухты.

Гавань прикрыта от внешних вод, с одной стороны горной грядой, с другой – песчаной насыпью, отделяющие бухту от океана Грëз. И насыпь, и горы защитили бы Хейдинбург от любой бури. И пусть на Тефтонге редко случались порывы ветра, способные унести хотя бы пухлокрылку. Не говоря уже о том, чтобы поднять опасные волны.

Три маленькие пташки, в простонародье называемые следопытками, вспорхнули со старого ветвистого дуба, испугавшись громких звуков. Весь гарнизон замка слышал перепалку Лорда Ёрина и его сына Меритаса. Такие сцены происходили с завидной регулярностью, в основном, когда отец запрещал юноше покидать стены крепости после захода Фолио.

– Ты так ничего и не понял! – выкрикнул с внутреннего двора отец.

Стражники на стенах обожали греть уши, чтобы после вахты поделиться новейшими сплетнями с друзьями или выпросить у трактирщика стакан холодного хмельного напитка взамен на слухи.

– Она просто нас бросила! А я не такой! – голос принадлежал молодому человеку.

Рядовому Клоу сегодня выпала честь стоять часовым во внутреннем дворике замка. Он следил за порядком, – а чаще всего спал, – на стене крепости, перед дубом, что рос уже пятое поколение Дрезденов и доставал могучими ветвями до самых зубцов. Солдат заговорщицки переглянулся со стоящим неподалёку приятелем, и оба закатили глаза. Причина ссоры почти всегда оставалась одной и той же. И хотя Клоу не хотел выволочки от начальника гарнизона, он всё же нарушил дисциплину. Сверкнув золотым зубом, тихо сказал товарищу:

– Я в четырнадцать лет уже за девчонками бегал, а Мерица отец до сих пор муштрует да к пассивности не отпускает! Хе-хе. Не удивительно, шо сынок бесится!

Второй рядовой Щорс, глядя на старый дуб, ответил сипловатым басом, не боясь, наказания за болтовню:

– Да отстань ты от парня, всё он правильно делает. Я от мамки с папкой сбегал, когда малым был. А отец у него, как жинку потерял, так замкнулся и вон, вишь, теперь, за сына боится. Как будто тот помрёт, если к девке на ночь сбегает.

Крики прекратились. Приятели услышали приближение шагов и замерли на посту, уставившись в точку перед собой и многозначно улыбаясь.

– Да здравствует Его Величество!

– Да, да... Здравствует он, что ему будет, – Лорд Ёрин быстрым шагом прошёл мимо солдат с мечтательным лицом. Владыка земель от Ласкерля до Элинга носил маску

задумчивости всегда, когда не ссорился с сыном.

Бегло осмотрев часовых, кивнул. Не то рядовым, не то своим мыслям. Кто их, лордов разберёт?

Подойдя к каменной стене Ёрин встал рядом с Клоу и опёрся о бойницу. Дюжину глубоких вдохов лорд смотрел куда-то за горизонт, погружившись в раздумья. Рассматривал закат, отливающий бронзой на морской глади, и слушал шелест листьев трёхсотлетнего дуба. Тот, будто живой, слегка покачиваясь на ветру, практически гладил лорда веткой по голове.

Улыбнувшись собственным мыслям Ёрин тихо, но отчётливо сказал рядовому:

– Сегодня ты и твой приятель можете быть свободны. Отдохните в таверне, если хотите, только молча.

Оставив голубой самоцвет в бойнице, лорд Хейдинских земель зашагал прочь, скрывшись в глубине крепостных залов. Солдаты в нетерпении переминались с ноги на ногу и дождавшись, когда лорд уйдёт, довольно покряхтывая, почти бегом, пошли в казармы переодеваться. Голубой самоцвет по стоимости равнялся всего восьми фиолетовым, но даже на него приятели могли гулять в трактире до потери памяти, если бы заказали не самого дорогого пойла.

Спустя некоторое время после заката Фолио, молодой лорд, не встретив никого на пути благополучно покинул крепость, спустившись по величественному дубу.

– Отправить бы к Версе всех охранников гарнизона, да понабрать новых, надёжных! Службу ведут кто как хочет! – ворчал себе под нос молодой человек, трусцой перебегая между каменных домов. – Мне же лучше, раз остолопы не на посту. Но что, если вдруг кто-то проберётся в замок и убьёт меня? О чём отец только думает?!

Передвигаясь узкими улочками, он старался не попадаться на глаза прохожим. Со стороны главной улицы слышались пьяные крики. Под вечер выпивохи нередко выясняли отношения возле трактира, за что доблестные служители порядка отводили дебоширов домой. Меритас, поморщившись, поторопился покинуть верхний город через лаз в каменной кладке городской стены, чтобы не попадаться на глаза страже у ворот.

В нижнем Хейдинбурге крики слышны не были. В это время, как правило, жители окраин ложились отдыхать, чтобы на рассвете вновь приступить к своим обязанностям. Поэтому на улице уже почти никого не было и на город опускалась звенящая тишина, изредка прерываемая всплесками волн. Нижний Хейдинбург образовался в результате заселения территории между гаванью и верхним городом, который, в свою очередь, строился жильцами вокруг крепостных стен. Здесь парень расслабился и дал волю злым мыслям, периодически произнося неприятные слуху слова. Большинство из них были обращены к отцу.

Вечерняя тишина давила на уши сотнику в отставке. Оскал – обладатель фиолетового жетона Хейдинской строевой академии, а теперь просто престарелый охранник небольшой лодочной пристани в нижней части города. Прикрыв глаза и посвистывая в унисон морскому прибою, старик который год исправно играл роль защитника подгнивших лодочек и проеденных жучками вёсел. Находясь на посту и в зной и стужу, он стойчески переносил лишения службы и справлялся с ударами превосходящих сил противника – комаров. К счастью, тишину нарушило чьё-то злобное бормотание. Едва расслышав чужака, старый охранник в лучших традициях строевой академии выкрикнул в темноту:

– Стой, кто идёт! Друг или враг? Назовись!

– Это, э... Я! Меритас Ониет Дрезден! Твой лорд, солдат! Во исполнение приказа особой необходимости, то есть, э, важности, требую, ээ... предоставить мне шхуну! Я немедленно выступаю в порт Паустерр... Да, в порт Паустервилля! – в голосе, юного лорда слышалось волнение, но это не мешало тому принять позу нахохлившегося петуха.

– Мерик! Ты штоль? А я тебя сразу узнал, по голосу. Ты шо мелешь, малец, какая шхуна, какой Паустервилль? Туда дорога при попутном ветре неделю на самом скором фрегате. В лучшем случае тебя скоро прибуёт к хребту. А в худшем шторм накроет при выходе из гавани.

– Ох, Оскал, старый дорогóй друг! – сменил тактику Меритас. – Столько раз великодушно пускал меня в плавание наловить для прекрасной дамы кувшинок, что растут у южного берега бухты, пусти же и сейчас, мой дорогой-дорогой друг!

– Тебе что, жестоклюй память прокусил? Мерик, ты один раз у меня лодку стырил, чтобы цветочков нарвать для девахи из нижнего города, так я такой выговор от твоего отца тогда получил! Ещё и лодку пришлось латать за тобой. Ты шхуной-то управлять не умеешь, куда собрался? Шторм надвигается, слышишь? Иди-ка отсюда, оболтус, коли голова дорога, – выдал тираду Оскал.

– Да как... Как ты смеешь так со мной разговаривать?! Да ещё так высказываться о даме! Она не девка! Мия – моя возлюбленная! А ну, отойди с прохода. Именем лорда этих земель и моего отца Ёрина Ониета Дрез...

Не успел Мерик договорить, как глухой удар веслом в ухо прервал словесный поток. За гулким звоном в голове юный лорд с трудом различал ругань старого Оскала и что есть сил побежал прочь.

Горечь событий последних часов и неприятный разговор с отцом туманил глаза. Или это были слёзы, выступившие от боли в ухе, неясно. Приходилось ориентироваться по силуэтам. Удержаться на ногах тоже оказалось непростой задачей. Меритас продолжал нестись вперёд как дикий раненый зверь, прижимая руку к пульсирующему горящему уху, чувствуя, как липкая кровь стекает по шее. Мимо мелькали деревянные домики и лачуги жителей. Вот молодой лорд пробежал свинарник, вот старое жилище бабушки Холли. За ней хижина рыбака и ворох рыболовных сетей, сушащихся после ловли. Вот ещё дома, чьи силуэты сливались воедино. За следующей халупой должен быть пологий холм, а дальше либо направо на пляж, либо к большому орешнику, а значит, напрямиком к дому Мии.

«Нет, я не должен идти к ней в таком виде» – вспыхнуло в голове, и ноги сами собой понесли лорда к пляжу. Перейдя на быстрый шаг Мерик, хотел было предаться унынию, но боль в голове и чувство тёплой вязкой жидкости на шее заставили прийти в себя и оценить ситуацию.

Никто не бежит следом, значит, Оскал просто решил припугнуть. Ох, старик, и влетит же тебе за такие выкрутасы! Наверняка уже побежал докладывать Ёрину, что его непутёвый сын снова пытался украсть лодку.

Шаг за шагом в голове Мерика зрел план, но пока ещё он не знал, как его осуществить.

«Тем лучше, если отец поймёт, что я сбежал, то будут искать. Хм... и я дам себя найти. Где-нибудь в центре бухты. Но не сразу! Пусть поволнуется сполна, а потом уже посмотрим, как он будет мне указывать, кого брать в жены».

Чуть было не наступив ногой на ракушку, Мерик поднял её и, взвесив в руке, со злостью метнул как можно дальше. Он улыбнулся, представляя, что это обручальное кольцо, выкованное для юного лорда по приказу отца. Один из лучших королевских ювелиров Элинга по старым чертежам сделал точную копию обручального кольца, когда-то подаренного

Ёрином Наине – матери Мерика. Юноша по плану отца должен был подарить кольцо дочке купца, толстой некрасивой Ферилье Брухенфорт, которую Мерика собирались сватать сегодня на приеме. Как жаль, что блестяшка вдруг потерялась где-то в куче навозе рогоколов. Будут знать, как строить планы на Мерика без его ведома!

Юный лорд, задрав нос, прохаживался по мокрому песку и всюду ему мерещилась Ферилья. Обладательница двух ужасных и весомых аргументов не брать её в жены – подбородков.

– Буээ, что за слизень эта Ферилья... – Мерик представил её в своей постели. В воображении она тут же растеклась по ложу как нагретый студень.

А ракушка тем временем приземлилась и, издав хрустящий звук, разбилась обо что-то твёрдое. Мерик поспешил осмотреть место, куда она прилетела, грезя о двух прекрасных аргументах Мии.

Подходя ближе, он расплылся в улыбке: «Что за счастливый подарок подготовила для меня судьба!» – маленькая рыбацкая лодка лежала на песке днищем вверх, издали, в сумерках, она была похожа на крупный камень. Под ней чудесным образом оказались вёсла. Одно уже почти сгнило, а второе, выстроганное совсем недавно, казалось пригодным для гребли.

Вскоре, когда ночь окончательно опустилась на Хейдин, Меритас справился с лодкой в одиночку. В тусклом свете спутников Элларии юный лорд с энтузиазмом грёб веслом, подбадривая себя криками:

– И раз! И Два! – но быстро понял, лучше грести молча.

Со стороны это выглядело не так тяжело. В глубине души лорд благодарил судьбу, что родился в замке, а не в покосившемся домишке рыбака. Конечно, эта профессия очень важная! Но гораздо приятнее наблюдать за лодочками с утёса и бросаться в рыбаков камнями. И тем веселее это занятие, чем дольше глупые мужики не могут определить, откуда их обстреливают.

– Ах, Верса! – выругался Мерик, делая очередной гребок слева, перехватил весло и на выдохе сделал гребок справа. – А ведь командовать проще, когда не ты на вёслах.

Лодка, поначалу медленно набиравшая скорость, теперь резво уходила от берега всё дальше.

– Сумерки! Вот-вот люди отца засуетятся! Нужно грести быстрее, – вдалеке, где недавно Оскал огрел юного лорда веслом, сверкнул факел. – Неужели это за мной? Гроби Мерик, гроби! Отец не должен ложиться всю ночь, а если меня заметят сейчас, то мой план не сработает! Ух, я им всем покажу!

До выхода из бухты оставалось не больше пары сотен метров, но Мерик решил для надёжности отплыть от берега ещё дальше и, тяжело дыша, грёб без остановки.

Тем временем яркая синяя вспышка озарила бухту и стены крепости. Водная гладь искажилась мелкой рябью. Издалека послышались крики птиц и недовольный вой рогоколов, но грома за вспышкой не последовало. Мерик подумал: «Почему Оскал так беспокоился? Грозу неслышно, значит, она далеко! Ладно, посижу здесь, если будет штормить, всегда успею вернуться».

Он бросил весло и принялся мечтать. Размышлял, как поставит отцу ультиматум. Перед глазами возникали картины, как юный лорд берёт в жены любимую Мию. Милую девушку, что работает в цветочной лавке и иногда с матерью приезжает в крепость со свежими фруктами. Уедет с ней в путешествие по континенту. Куда-нибудь подальше от ненавистной

крепости и отцовского надзора.

Молодожёны обязательно посетят Лэйк, где знаменитые Слепые холмы, искупаются там бурной речке Беленке, а потом посмотрят турнир «Гармонии стихий» среди лучших магов Ласкерляю. После, конечно, побывают в Элингберге, столице Тефтонга. Туда лучше ехать на праздник Благоденствия Элларии, ведь тогда весь Эверзор украшают фонарями, а эсмериал льётся рекой! Ах и это только на Тефтонге! Ещё хотелось бы посетить Баутонг и воочию лицезреть мистическое сердце тумана и легендарные театры Эллады.

Разумеется, после путешествий два любящих сердца заживут в своём замке. Весёлый перезвон детских голосов наполнит пустые коридоры. А детей у них будет много! Меритас грезил, как каждую ночь будет ласкать бархатную кожу жены. Тут же воображение отрисовало продолжение: она, нагая, прыгает в объятия юного лорда. Обхватывает ногами его бёдра, нежно целует и, предаваясь страстному порыву, выливает кружку воды прямо в лицо Мерика...

Стоп. Что?!

Повторный всплеск бурлящей от порывов ветра воды остудил юношеский пыл. Мерик открыл глаза и обнаружил, что спит на дне лодки:

– Рогокольи потроха! Как я мог уснуть?!

С трудом удерживая равновесие в раскачивающейся лодке и чудом не получив в лоб веслом, будущий правитель земель Хейдина осмотрелся и с леденящим ужасом обнаружил, что дальше вытянутой руки не видит ничего. Шторм всю бесновался, небо затянуло чёрными тучами. Мелкий холодный дождь бил в лицо, заливая глаза. Мерик не знал, куда его отнесло и в какую сторону развернуло лодку и от этого всепоглощающий страх смерти сковал каждый мускул. В голове роились ужасные мысли: «Нет, нет, нет! Я не могу утонуть! Этого не может произойти со мной!»

Волны бросали горе-капитана из стороны в сторону. Мгла окутала пространство вокруг Меритаса. Он был уже не человек, а безвольный манекен. Леденящий страх пронизывал до самых костей, куда ещё не добрались влага и холод. Удар за ударом волны качали лодку. Спустя мгновение юный лорд свалился в воду, а лодку тут же поглотила морская пучина.

Вдохнуть выходило через раз. Бездушный океан Грёз накрывал с головой, не заботясь о благополучии лорда. Океан не знал, что бухта Хейдинбурга и ближайшие воды принадлежат ему.

Мерик с каждой волной всё дальше выплывал на поверхность. Силы покидали, а в голове роились мысли, как спастись.

Нужно использовать энергию, её среди бушующей воды очень много! Но как её применить?! Создать пузырь воздуха? А может, заморозить воду?

Всему этому его когда-то учил гувернёр из Ласкенты. Ах, если бы только юный Мерик слушал хоть малую часть уроков и упражнялся. Его интересовал только огонь. Но сейчас, среди чёрных вод пламя не могло помочь.

– Папа, кхе..., Оскал... – произнёс негромко, захлёбываясь и барахтаясь в бушующей воде. – Спас... брл... иихть... ите!

В холодной воде свело ногу. Руки ужасно затекли.

– Пожаааррлл... их... ста! Мия! – Волны накрывали его с головой, и с каждым разом сил становилось всё меньше. Ещё волна и он уже не выплывет.

Последний удар стихии выбил остатки воздуха из лёгких и всё на, что их хватило, выдохнуть в воду: «Мама!», но получилось лишь:

– Мрррлллмр...

Глава 3. Кадисса. Пыль в глаза

«Встань, вытри сопли и тренируйся. Сухую землю Игнфтонга увлажнить можно лишь кровью.

Своей или чужой – выбирай сама»

Дорон, вождь клана Досуа

– Наконец, ты вернулась, одноокая. Тебя ждёт отец, – темнокожий воин со шрамом на голом торсе заглянул в шатёр. – Поторопись, с ним шаман. Судя по крикам разговор предстоит серьёзный.

Кадисса вздёрнула тонкую чёрную бровь и вздохнула:

– Жди снаружи. Сейчас буду.

Она только и успела скинуть с себя походное снаряжение, оружейную обвязку и ослабить шнуровку на ездовых штанах. Надеялась перевести дух после двухнедельной вылазки, но тут же мысленно упрекнула себя в мягкотелости. Не время отдыхать. Нужды клана важнее.

Сделав глубокий вдох, Кадисса подобрала с земли португею, накинула её поверх свободной светлой рубахи. Проверила ножны, аккуратно прилаженные на португею, под левой грудью, рядом с сердцем. Вынула из них изогнутый кинжал, искусно высеченный из чёрного камня. Он всегда приятно охлаждал руку, придавая уверенности. На Тефтонге такое оружие запрещено, но Кадисса плевать хотела на чужие законы.

Затем она надела лёгкие сапожки из тонкой кожи и удобным для стремени каблуком. Мягкое отвёрнутое голенище сапога, поддерживаемое ремешком на костяной пуговке, плавно переходило в удобные ездовые штаны из мягкой кожи с перекрёстной шнуровкой на бёдрах. Ночи в пустыне Игнфтонга коротки, отчего земля не успевает остывать. Ты буквально находишься между двух огней – сверху и снизу. А значит, одежда должна дышать, иначе ты сварись раньше, чем успеешь произнести: «Ист Замуи».

Следом Кадисса застегнула оружейную обвязку с двумя петельками на каждом бедре. Схватив с земли пару коротких одноручных молотов за кожаный темляк, она с лёгкостью покрутила тяжеловесное оружие, приладила их к обвязке и вышла на улицу.

Сотни похожих друг на друга шатров и палаток выстроились ровными кругами вокруг плаца, расположенного в центре ставки клана Досуа, возле штаба вождя. Расстояние между шатрами скрупулёзно выверено, – пусть игнийцев называют дикарями, но дисциплина им не чужда, – по широким улицам без проблем можно было передвигаться на варанах или шеренгой по четверо бойцов. Нападения на ставку клана стаи голодных иглошёрстных собак, – здесь их называли падальщиками, – обычное дело. Но иногда на огонёк заглядывали существа пострашнее, и тогда воины были готовы защищать братьев и сестёр, о чём без слов говорили огромные молоты и дубины, висящие то на поясах, то на оружейных обвязках каждого проходящего мимо игнийца.

Вынырнув из шатра, Кадисса погладила по загривку ездового варана, лежащего у входа. Бросив тому кусок сырого мяса, она направилась к центру лагеря.

– Уже готова. Идём, – взгляд девушки устремился вперёд на самый крупный шатёр с двумя буро-серыми флагами, что виднелись из любой точки лагеря. Воин шагал рядом,

поднимая пыль и сажу.

– Долго. Непростительно долго, – бурчал воин.

Кадисса окинула его взглядом:

– Что я должна знать, Нед?

– Пока ты пропадала в пустыне, шаманы почувствовали что-то неладное на севере Тефтонга. Ролеф уже плотку сорвал, несёт что-то про древнее зло и пробуждение вулкана, – уголок рта Неда приподнялся в улыбке. – Дорон хочет успокоить шамана, отправив разведку.

– Понятно. Можешь быть свободен, – ответила Кадисса, незаметно почесав кожу, делая вид, что поправляет глазную повязку. Ещё год назад там красовался карий глаз.

– Здесь ты не права, одноокая, я иду к вождю вместе с тобой.

Обращение воина задело девушку. Но в открытую Нед не проявлял неуважения, и она ускорила шаг лишь мысленно выругавшись: «Карс Шаррах!»

Путь сквозь ровные ряды палаток воинов клана Досуа занял не более сотни вдохов. Головной шатёр вождя, как полагается, находился на возвышении. По четырём краям шатра стояли дозорные. Ещё двое элитных воинов клана охраняли вход, опершись на длинное древко двуручных молотов.

Кадисса вошла в головной шатёр. Раньше его украшали трофеи с убитых монстров, но теперь, изнутри можно было лицезреть цвета и символику десятков кланов Игнфтонга, собранных под флагами Досуа.

Кадисса сделала несколько шагов и припала на колени. Нед сделал то же самое.

– Ты звал меня, мой вождь? – спросила девушка.

В центре шатра, возвышаясь над столом с картой, стоял высокий, широкоплечий игниец. Такой утрёт нос любому титану короля. Правое плечо темнокожего мужчины укрывал плащ с воротником из волчьей шкуры, а левое металлический наплечник с огромным клыком великой синей волчицы.

Увидев зуб чудовища, Кадисса невольно потянулась к глазной повязке, но вовремя одёрнула себя.

– «Недобрый знак», – пронеслось в голове.

Из дальнего угла шатра зелёными змеиными глазами смотрел шаман Ролеф. В темноте его выдавала белая краска, покрывающая узорами тёмную кожу головы:

– А-ха! Пришла-а! – ехидно прокричал он.

– Да, дочь. Здравствуй, Нед, – Дорон кивнул вошедшим, остановив взгляд на девушке. – Встаньте и слушайте внимательно. Где-то под нами произошёл всплеск энергии невиданной силы. Если верить слышащим, то источник где-то на севере Тефтонга. Последний раз такое произошло двадцать лет назад и, вы вряд ли помните, но кланам Игнфтонга в те времена пришлось несладко. Великий вулкан просыпается, нужно действовать.

– Древние боги пробудятся вновь и накажут-ут! – размахивая руками кричал Ролеф, мечась от одного края стола к другому.

Не обращая внимания, вождь продолжал:

– Я принял решение. Трое лучших следопытов клана отправятся на разведку. Задача: не привлекая лишнего внимания разузнать, что вызвало всплеск энергии и немедленно вернуться. Тефтонг огромен, я знаю, к тому же отряд могут принять как враждебно настроенный, поэтому вам следует действовать поодиночке. Кадисса, Нед и посланец шаманов Искол – вы отправляетесь на рассвете.

Из тени вышел парень в чёрной мешковатой одежде. Его лицо почти не выражало

эмоций, кроме слегка приподнятого уголка губ. Он высоко поднял подбородок и презрительно ухмыльнулся, глядя на Кадиссу.

– Основной ваш ресурс – это время, – продолжал вождь. – Мы не знаем, что там произошло, но если кланам Игнфтонга угрожает опасность – мешкать нельзя.

– Но, отец! Если клану угрожает опасность, я хочу остаться вместе с братьями! – возразила вождю Кадисса.

– Никаких «но»! – ударив пудовым кулаком по столу, прорычал Дорон. – Это приказ! Тот, кто устроил этот взрыв, – невероятно могущественен. В прошлый раз мы слишком долго медлили. Тебе не было ещё и двух лет, Дисса, а я отлично помню, как дорого клану обошлось быстро сняться с места. Теперь же мы обязаны выследить виновника по горячим следам.

Пульсирующие вены проступили на шее вождя.

– Могущественный враг! С плеч полетят головы! Нужно действовать! – не унимался шаман.

Резкий жест отца несколько её не удивил. Будучи вождём, нужно уметь поставить точку в спорах, но... Что-то в его глазах, жестах, даже словах, пугало Кадиссу. Клык голубой волчицы – это знак, тайное послание, которое сможет прочесть только Кадисса. Но что он хочет сказать?! В дороге будет время подумать.

– Тогда готова выступить через час, – сказала Кадисса.

Лицо вождя разгладилось. Почесав завитую в косичку бороду, он взглянул в лицо дочери:

– Ты права. Нельзя терять ни минуты. Час на сборы, – закончил глава клана Досуа и, развернувшись, отошёл вглубь шатра.

Кадисса почувствовала как Искол и Нед сверлят её взглядами.

***

– Ты молодец, Кайсатик. Хороший мальчик, – Кадисса поставила ведро воды своему ездовому варану. Присев на корточки рядом, девушка погладила ящера по грубой тёмно-зелёной коже. – Ещё одно задание. Ты и я, друг.

Приладив седельные сумки с провизией и водой, она закончила приготовления. Взяла варана за поводья и пошла к месту сбора.

Фолио медленно плыл к горизонту. Дозорные стояли последние минуты перед сменой на посту, когда трое игнийцев с походным снаряжением на варанах и несколько сопровождающих показались у ворот. У выхода из лагеря, расположенного у подножия вулкана, собрались лишь причастные к разведывательному заданию. Дорон не хотел поднимать шум раньше времени и предпочёл скрыть от соплеменников слухи о пробуждении вулкана. Шаман Ролеф энергично жестикулируя, инструктировал посланцев Неда и Искола. Поодаль стоял Вождь. Высоко задрав голову, он хмуро смотрел на вершину вулкана.

– Кадисса, подойди, – сказал он, заметив дочь. Долго смотрел в лицо девушки, будто запоминал каждую родинку. Обнял её, делая вид, что проверяет тугость затяжек оружейной обвязки. – Ты хорошо подготовилась, Дисса. Как всегда.

– Я не подведу, – девушка единственным глазом смотрела на отца. Тот откинул пальцем чёрную чёлку, скрывающую глазную повязку и боевой шрам:

– Знаю. Помни, ради чего ты принесла эту жертву. Клан нуждается в тебе, это так, но прошу, береги себя.

– Простое задание, отец. Выясню, что произошло и вернусь.

– В тебе течёт её кровь, – отец держал Кадиссу за плечи, не решаясь сказать главного. –

Да... Хм... Будь осторожна. Не верь никому, полагайся только на себя. И что бы ни случилось знай, я люблю тебя, дочь.

Дорон мельком взглянул на шамана, но встретился взглядом с Исколом.

– Кхм. Вам пора, – похлопав по шее варана, вождь не дал сказать дочери ни слова, и громко огласил:

– Славные сыновья и дочь клана Досуа! Вы отправляетесь в ночь. До перевала в гряде Гира вам следует держаться вместе. К полуночи доберётесь до каньона в плато Ихстмаш. Там переночуете в относительной безопасности, но оставайтесь начеку. Нед – будешь в дозоре первую ночь, дальше разберётесь. До границы с Тефтонгом семь дней пути на свежем ящере. Через четыре месяца я буду ждать вас либо здесь же, либо с подветренной стороны холма Инсигнии, в пустошах, если вулкан всё же проснётся. А теперь в путь.

***

Троица разведчиков молча неслась сквозь пустыню. Каждый извилистый шаг верного питомца, сливающийся в чуждый чужакам аллюр, поднимал за собой столп саж и пыли. Сухая земля обнажала трещины в земляной корке. Растительностью здесь и не пахло.

«Отец выглядел растерянным», – Кадисса раз за разом обдумывала слова вождя.

Затянувшееся молчание – редкость среди боевых отрядов игнийцев. Тихая рысь ящеров способствовала разговору, да и воинственный народ не привык нападать внезапно. Разведчики молчали несколько часов подряд. Но именно этого и недоставало девушке в походах чаще всего.

«Что значит фраза: „Полагайся только на себя“? Я всегда полагалась только на себя, ведь больше не на кого. К тому же отец знает, что я стала изгоем после нападения волчицы. Огромная тварь сдохла в паре двух шагах от центрального шатра, но какой ценой?» – Кадисса ощупала впалую глазницу и изуродованную правую щеку.

«И зачем надо было надевать эту проклятую накидку? Что ты хотел сказать мне, папа?»

Прокручивая мысли снова и снова, Кадисса не заметила, как плетётся в хвосте отряда, и с ней поравнялся Нед. В походной одежде, кожаных перчатках и капюшоне, старательно прячущих цвет кожи разведчиков, воин выглядел уже не так воинственно и опасно, как дома. Скорее паломник, нежели закалённый в боях убийца смертоносных чудовищ. Картину портил только массивный отбойный молот.

– Эй, одноглазая, сколько бы твой отец ни просил, я нянчиться с тобой не собираюсь. Если на нас нападут падальщики – каждый сам за себя. И ещё одно: не вздумай таскаться за мной по Тефтонгу.

Рука Кадиссы невольно потянулась к кинжалу. «Карс Шаррах!» – подумала разведчица, но вслух произнесла лишь:

– Мне не нужна помощь.

Парень ухмыльнулся, подняв густую бровь, и пришпорил ящера:

– Не нужна? Смотри в оба, Ди, вдруг случится что-нибудь неприятное.

Девушка закрыла глаз, глубоко вздохнула, не давая эмоция выйти наружу и пришпорила Кайсага.

Спустя некоторое время, когда Фолио почти сел, скорость воинов заметно снизилась. Нед и немногословный Искол не желали, доверившись ящерам, отпустить поводья. Кадисса же, наконец, шла во главе троицы. Весь последний год ей приходилось уделять свободное время развитию чувства энергии или по-другому – внутреннего зрения. Благодаря

тренировкам, закрывая здоровый глаз, девушка с трудом, но различала размытые очертания окружающего мира. Это помогло ей, если не сохранить, то хотя бы до конца не растерять боевую сноровку. Столкновения с хищными тварями, как правило, требовали мгновенного расчёта, а значит стереоскопического зрения. К тому же она привыкла доверять своему боевому товарищу – варану Кайсату. Тот вёл себя предсказуемо и всегда старался держаться на небольшом расстоянии от воды.

– Хороший мальчик, Кайсат, – сказала Кадисса, слезая с варана. – Заночуем здесь.

– Эй, одноглазая! – подъезжая окликнул Нед. – Я разведу костёр, а ты напои ящериц.

Кадисса опомнилась, когда кинжал остриём коснулся кадыка воина:

– У меня есть имя! Ещё раз назовёшь меня так, – Кадисса ткнула свободной рукой в грудь Неда. – Шрамом не отделаешься!

Воин сглотнул, глядя ей в глаза, и пошёл разводить огонь, потирая горло и громко сплёвывая. Посланник шаманов молча смотрел на конфликт. Из-за повязки на голове и маски, скрывающей нижнюю часть лица, виднелись лишь два змеиных зрачка. Этот нечеловеческий взгляд вызывал мурашки.

«Ночь будет долгой», – подумала Кадисса.

Она напоила животных и расположилась на ночлег в десятке шагов от костра и напарников. Парни перекидывались короткими фразами сидя у огня, но Кадиссе хотелось уединения. Она накормила варана припасами из седельных сумок и прилегла на его ногу, глядя наверх. Со дна каньона, между отвесными склонами, чёрное небо выглядело как небрежный штрих начинающего художника. Смешивая краски, он случайно сбрызнул с кисти бледно-голубую каплю, оставляя на холсте россыпь звёзд. В те времена, когда вулкан спал десятилетиями, в этом месте текла широкая река, приносящая жизнь в самые отдалённые уголки Игнфтонга. Горячая, буквально пыщающая жаром, – и паром, – она лечила болезни игнийцев и забирала боль старых конечности. Те времена давно прошли, паломники последний раз посещали реку сотни лет назад, а с последним из них в памяти затёрлось и название реки. С тех пор как вулкан стал просыпаться, по неизвестным причинам остался лишь тонкий ручеёк, приятно ласкающий слух тихим журчанием.

Кадисса пыталась составить план передвижения, вспоминая карту Тефтонга, и делилась размышлениями с Кайсатом:

– Судя по словам отца, всплеск произошёл во льдах Тефтонга. А это противоположный конец материка.

– Кшшш, – прошипел в ответ варан.

– Согласна, прежде чем ехать на север, сто́ит посетить столицу, слегка отклонимся от курса, но попробуем разузнать что-нибудь у местных. Да и к холодам нужно подготовиться.

– Гик, – последовал ответ.

– Не думаю, хотя... Старики не высовывают носа из крепости, но определённо могут что-то знать. Отец говорил, Маги Ласкерля, очень могущественны, только вот со мной они разговаривать не станут.

– Гик-Гик, Кч-к.

– Искол? Не уверена... Понять шамана – всё равно что прыгнуть в жерло вулкана, но тебе виднее, что у него на уме. Вы с ним почти братья.

– Кч-Кч-Кшш.

– Не волнуйся за Неда. Всё ещё злится за случай, когда я вырвала у него победу на трассе «затмения», —

сладко улыбнулась Кадисса. Закрыв глаз и закинув руки за голову, она легла на спину. – Неверный шаг и навсегда останешься лежать среди острых скал.

Ящер повернул голову и раздвоенным языком лизнул её лоб:

– Кшшс-с.

– А-ха-ха, какого это, проиграть одноглазой девчонке?

– Гик!

Этой ночью Кадисса спала урывками, как обычно спит воин во время опасных походов. Наутро, напоив варанов из ручья и перекусив вяленным мясом, троица молча отправилась в путь.

Держась на безопасном расстоянии от предполагаемых мест обитания монстров и ставок других кланов напарники без приключений ехали целый день. Делая остановки лишь на скорый перекус и отдых для ползунов, разведчики опережали план, что несказанно радовало Кадиссу. Ближайшую ночь она провела в дозоре и, спустя ещё день дороги, практически сваливалась с седла, моргая всё медленнее.

Нед пару раз оборачивался и, недовольно скалясь, ворчал. Иногда Искол успокаивал Неда, ехидно цокая языком. Незадолго до сумерек Нед, наконец, сказал долгожданное:

– Тормозим, принцесса сейчас из седла вывалится. Пора сделать привал.

Кадисса крепче стиснула зубы, но согласилась. От недостатка сна и скудного походного рациона к горлу подкатился тошнотворный ком.

– Здесь заканчивается каньон, – меланхолично произнёс немногословный Искол и спешил. – Поэтому мы будем ночевать здесь, в безопасности, а не на открытой местности. Дочь вождя ни при чём.

– Спасибо, – кивнула ему Кадисса, изо всех сил стараясь держаться бодрой и поторапливалась напоить варана, чтобы скорее отдохнуть. Расположившись у одного из склонов каньона, за большим валуном, отделяющим её от мужчин, Кадисса вдоволь напилась из бурдюка и, наконец, улеглась.

– Спокойной ночи, Кайсат, – шрам под повязкой снова чесался, но девушка, положив голову на камень, мгновенно уснула, не обратив внимания на глупости.

Из бездны сна девушку выдернули звуки возни и неразборчивая брань. Она, с трудом открыв глаза, обнаружила, что верной рептилии нет рядом, а в щели между великими стенами каньона уже светлеет небо. Как скоротечны на Игнфтонге ночи.

– Р-рах! – издали послышался голос Неда.

Переведя глаза на источник звука, Кадисса на миг оторопела и в три прыжка подскочила к дерущимся напарникам. Искол сидел на Неде спиной к Игнийке, пытаясь обеими руками задушить воина. Не желая кровопролития, девушка оставила кинжал в ножнах и с размаху залепила ногой в бок ученику шаманов. Тот откатился, взглянув исподлобья змеиными глазами.

– Что за безумие вы устроили?! – в недоумении выпалила разведчица. Нед, хрипя что-то нечленораздельное, хватал ртом воздух и массировал шею. Искол же, воспользовавшись заминкой, заскочил за спину Кадиссе. Та почувствовала опасность и, изогнувшись, пропустила подлый удар в почку.

– Во имя вулкана, прекрати! – проорала Кадисса.

Припав к земле, Искол сделал обманный выпад снизу вверх. В руках у него блеснуло лезвие. Дочь вождя ожидала удара и с лёгкостью парировала, отбив кисть ладонью и, подкочила поближе, чтобы не дать парню пространства для манёвра. Тот попытался пырнуть

Кадиссу в живот и она, заключив в замок руку с лезвием, ударила локтем в грудь.

– Угомонись, змей! Не то мы свяжем тебя и бросим на корм падальщикам, – прошипела Кадисса.

– Глупая девчонка.

Искол замахнулся левой рукой, ехидно улыбаясь. Она поставила блок, но шаман не собирался бить, а лишь раскрыл ладонь, бросив в глаз девушки горсть мелкой зелёной пыли.

– А-а-грх! Змеиное исчадье!

Кадисса оттолкнула шамана, прыжками увеличив расстояние от него и пытаясь выгрести пыль из глаза, но зажмурившись от боли ещё сильнее. Достав молот, она стала размахивать им во все стороны, ожидая атаки откуда угодно. Не сразу сообразив, Кадисса обратилась к внутреннему зрению: вдалеке мелькали два ярких пятна энергии.

Сорваться на бег мешали камни, поэтому Кадисса аккуратно переставляла ноги. Два ярких энергетических пятна отражались в сознании разведчицы клана Досуа. Красное пятно крупное и свирепое, это Нед поднялся с земли и даёт отпор предателю. Второе зелёное лучится спокойствием и хладнокровно перетекает из стороны в сторону, выжидая ошибку врага, чтобы нанести подлый удар.

– Нед! – крикнула Кадисса, давая соратнику понять, что спешит на помощь.

Пятна, то сливались воедино в смертельном танце, то разбегались восстановить равновесие, чтобы снова наполнить каньон лязгом стали.

– Карс Шаррах! Держись, Нед!

Тело дрожало от холода, а из глаза сочились слёзы, пыль мешала сосредоточиться, вызывая мандраж. Урод явно что-то туда подмешал. Часто перебирая ногами, шаг за шагом нащупывая дорогу перед собой, Кадисса то и дело спотыкалась и упала неподалёку от парней. Тем временем обладатель красного энергетического сгустка оседлал варана и пустился наутёк. Зелёное пятно, колеблясь, развернулось, и Кадисса почувствовала холод, пробежавший по спине. Быстро поднявшись она приняла защитную позицию, выхватив кинжал. Видеть лица Искола она не могла, но догадывалась, что тот улыбается во весь рот, представляя скорую расправу над незрячей.

– Прости, но так надо. – прошептал ученик шамана. – Чтобы принести свет – нужно погрузиться во тьму.

Свистнув своего варана, он спешно удалился вслед за скрывшимся из поля зрения Недом.

– Дерись трус! – в сердцах выругалась разведчица. – Кайсат, ко мне!

Шаман быстро удалялся. Девушка нервно осмотрелась. Неподалёку от неё лежал неподвижный розовый клочок энергии, очертаниями напоминающий спящего варана. Кадисса свистнула:

– Вставай, Кайсат! Он же уйдёт!

Подобравшись поближе, она нащупала среди седельных сумок бурдюк. Глаз нещадно горел, и Кадисса щедро залила его водой.

– Аа-й! – пылинки оставляли после себя рытвины на глазном яблоке. Почувствовав блаженство, что ощущает пустыня во время редкого дождя, разведчица проморгалась и плеснула остатки воды в горло. Пара глотков бодрящей, стылой после ночи воды, охладили пыл разведчицы. Глаз открылся, но не мог сфокусироваться ни на чём.

– Кайсат, змей тебя задери! Что с тобой?

Рука шарила по грубой коже варана в надежде найти упряжь. Проведя рукой по шее,

девушка будто от ожога отдёрнула руку, вляпавшись во что-то тёплое и вязкое.

– Кайсат? – Продолжала она тормозить верного друга. – Нет, нет! Кайсатик! Друг, ты как? Что он с тобой сделал?

Бледно-розовое пятно верного приятеля быстро тускнело. Жизненная энергия неумолимо покидала варана, как песчинки покидают верхний резервуар песочных часов. Кадисса судорожно пыталась перевязать ветошью широкую продольную рану на шее друга, но было слишком поздно.

Обняв холодеющее тело, она прижалась щекой к большой голове Кайсата. Солёный ручеёк капал на потрескавшуюся от сухости землю. Она плакала впервые в жизни.

– Ист Замуи, дорогой друг. Да примет тебя вулкан.

Глава 4. Комен. Маг воды

«А вдалеке слышишь грома раскаты?», Страшно охота грозу посмотреть! «Так, почему же пошёл ты в солдаты, Коли мечтаешь за бурей лететь?»

Из сказаний «Об охотнике за грозами»

– Эй! Ты живой?

Тёплая живительная влага капала на лицо Комена крупными каплями, заливая глаза.

– Проснись, друг!

Парень пришёл в сознание и непроизвольно выплюнул из себя остатки воды:

– Кха-кха... чё... кхе-е... Чё произошло?

Рядом на корточках сидел лопоухий мальчик, лет пятнадцати, с короткими тёмными волосами, но с сединой на висках. Мальчуган улыбался во весь рот:

– Слизневы мозги, ты жив! Да-а! Я тебя спас! Ай-да я, ай-да моя водичка. Вот уж деда не поверит! Пошли скорее в дом, а то завтрак пропустим!

В голове только что пришедшего в себя Комена стоял гулкий звон. Он пытался вспомнить, что было до того, как очнулся, лёжа на берегу. Мокрый тяжёлый песок сыпался отовсюду: и из складок штанов, и из мокрой накидки с капюшоном. Вытряхивая из ушей последние соринки и найдя в волосах ракушку, альбос оглянулся по сторонам: песчаный берег простирался невероятно далеко в каждую сторону, вырисовывая неровный полумесяц. Из песка то и дело торчали невысокие камни. На тех, что побольше мостились пухлые птицы с длинным и крючковатым носом, размером с курицу. В десятке шагов от воды на пологом склоне, усеянном зелёной травой, стояли тонкие деревья. В полотне травяного ковра то и дело колыхались на ветру голубые цветы.

– Кто ты? И где я? Кха... – слова давались с трудом, вода всё ещё выходила из лёгких.

– Матеус я, а ты на песке разлёгся! Вставай давай, а то краб вернётся. Я его водой смыл, а он уплыл такой, раз и в землю закопался, – энергично жестикулируя тараторил юный спаситель.

– Какой ещё краб? Дай в себя прийти, я не могу встать, – голова ещё кружилась. При попытке подняться Комен качнулся назад и плюхнулся в воду. – Ох, моя нога!

Матеус поправил красный платок на шее, пряча небольшой деревянный кулон.

– Какой-какой краб? Красный, с толстым панцирем, что твоя нога. Я его неплохо так припечатал! Надо проверить, может даже убил? А тут гляжу – ты лежишь! – переведя дыхание, Матеус продолжил: – Так это, слизневы мозги, я ж тебя спас! Тогда с тебя гемчик! Нет, два гема! Хотя, откуда они у тебя...

– Малец, ради Сола, объясни мне, пожалуйста, где я и как сюда попал? У меня жутко болит голова. Ничё не понимаю.

– Правильно говорить: ради Юни! Деда так говорит. И ты говори. А что произошло, не знаю. Может, ночью уснул на песке и пролежал тут до утра, а может, твой корабль пошёл на дно и тебя выплюнул океан. Я точно знаю, что ты – утопек, или как вас там... утопленник! Или нет... ты же жив благодаря мне! У тебя вон в ухе кровь запеклась, да и губа вся разодрана. Но эт мы поправим!

В глаза бил яркий оранжевый свет, от Сола такого не дождёшься. Морское мелководье,

где сидел Комен, уходило далеко, но даже ясная погода не позволяла соориентироваться. Странно. Обычно с Чакра невооружённым глазом можно было рассмотреть берега Евстрая, а тут...

Ещё вода такая тёплая! Альбосы с острова Ильдраир старались не находиться в воде слишком долго, иначе от холода сводило мышцы. А тут сиди себе, уютно и хорошо, ноги обдаёт приятной освежающей влагой. Как необычно.

Ещё никогда в жизни Комен не ощущал ничего подобного. Это новое чувство вселяло надежду, хотя всё остальное, на первый взгляд, вызывало озадаченность. Вдалеке стояли деревья, с большими жёлто-оранжевыми листьями. Где-то вдалеке виднелся горный хребет, и пик его прятался за облаками. Знакомая картина. Или нет?

– Малец, – растерянно моргая сказал Комен. – Как там тебя, ещё раз?

– Матеус, или Мат, а деда с бабушкой иногда Матиком называют, но теперь я взрослый уже и...

– Погоди-погоди, говори помедленней. Я неважно себя чувствую. И мне, похоже, нужна помощь, нога боли... – альбос ошупал ноги и дойдя до коленной чашечки тихо выругался: – Агрх! Соловы потроха, как же больно! Совсем не помню, как я попал на... Это что, Корунен?

– Здорово же ты стукнулся, дядь! Какой ещё Корунен? Вас там на этом Корунене что, совсем ничему не учат? Нет бы колено своё залечить, сидишь тут, глазами хлопаешь.

– Так как же я его вылечу? Нужны годы, что научиться врачевать, а я ещё слишком молод. Позови, пожалуйста, помощь.

– А-ха-ха, молод он! Посмотрите какой здоровенный лоб! Мне всего тринадцать, а я, смотри, как умею!

Комен в изумлении раскрыл глаза, когда прямо у перед носом из воды поднялось маленькое паровое облако. Подлетев к нему, оно оросило дождём из толстых как слива шариков воды. С каждой такой каплей головная боль и тошнота отступали и ноющие ссадины уже не так досаждали, как раньше. От переизбытка эмоций Комен взвизгнул и отпрыгнул от необъяснимой природной аномалии.

– А-а! Убери это! Что, Сол тебя задери, это такое?!

Сердце бешено забилося, но сознание после лечебного дождя действительно прояснилось.

– Ты и вправду болен. Пошли, утопленник, я тебя Варке покажу.

– Стой, но как же я пойду, я же... – не успев закончить фразу, Комен осознал, что стоит в трёх шагах от тающей мини-тучки. Он скакнул на это расстояние в пару прыжков. Ноги его вновь были сильны и полны энергии, хотя вдох назад болели при попытке встать. Комен судорожно покрутил головой и попытался вспомнить хоть крупицу. Что произошло?! Он прекрасно помнил кто он и откуда, но события последних... часов, дней или недель... ускользали в недра сознания. Последнее, что он помнил: тепло ювелирной жаровни, дрожащие от напряжения пальцы и брезгливый взгляд мастера-ювелира. Но Комен видел всё это последний год буквально каждый цикл. Вдобавок образы расплывались, будто прошла уже тысяча лет.

Альбос поднял взгляд. Перед ним стоял озадаченный мальчик, казалось, готовый в любой момент залиться звонким жизнерадостным смехом. Вокруг что-то изменилось. Это место – точно не дом. Оттенки цвета, температура, влажность, окружающее пространство, чувство чего-то нового, доселе неизведанного. И это «что-то» ему нравилось.

«Выхода всё равно нет, нужно идти с мальчиком. Может быть, память вернётся, когда я

успокоюсь и приду в себя».

– Ну, веди, малец, и это... Спасибо за помощь. Расскажешь, как ты так с тучкой?

– Конечно! – зарделся Матеус. – А деревня тут недалеко, за пару дней доберёмся.

– Что?!

– Да шучу я, утопленник! – озарив альбоса лучезарной улыбкой, сказал мальчик. – Деревня близко, как раз подоспеем к завтраку.

***

Представив бедолагу престарелому рыбаку по имени Гастод, Матеус мигом выскочил из дома на улицу.

Гость с огромным удовольствием принялся уплетать горячий рыбный суп с рисом и фруктами. Экзотика! Ничего подобного Комен раньше не пробовал, да и голод не оставлял времени для раздумий, желудок требовал подкрепления. Спешно работая челюстями, альбос осматривал домишко, куда его привёл юный спаситель. Дом из нескольких комнат, больше похожий на хижину, построили из толстого подобия бамбука, а крыша выстлана огромными листьями, о существовании которых, Комен не подозревал. Но наверняка такие росли на Корунене, да и климат похож.

Ещё одна странная деталь бросалась в глаза: на окнах не было ставень, а двери прикрывала лишь тонкая ткань. Днём здесь жара! А ещё жители явно друг-другу доверяют. Это весьма удивило и озадачило гостя. Попробуй устрой что-то подобное на Ильдраире. В первый же цикл тебя ограбят, а во второй заболеешь от сквозняка.

С улицы доносились крики мальчишки: «Плесь! Бам! Плюх! Как я его, а?!»

– Играется, Матик, он у меня хороший мальчик, взрослый не по годам. Мать его рано ушла от нас, а за ней следом и отец... Бедняга... – нижняя губа Гастода подрагивала от произносимых слов. Правый глаз глядел на пришельца, а левый куда-то вдаль, его уже давно затуманила неизлечимая болезнь. – Ты ешь-ешь, но раз в моём доме оказался, то будь добр, расскажи, что с тобой произошло. Море вчера ночью бушевало, будь здоров, неужели кораблекрушение?

– Пытаюсь вспомнить, что случилось и не могу... – потупив взгляд в деревянную миску, сказал парень. – Я не помню, чтобы путешествовал кораблём. Произошло что-то важное, но мысли разбегаются... Извините.

– Не помнишь. А звать то тебя как, не забыл?

– Имя, кажется, не забыл. Зовут Комен. Помню друзей, работу, но когда пытаюсь вспомнить больше – голова раскалывается.

– М-да! Так значит... Послушай, Комен, помочь я тебе не могу, ты уж не серчай. Но и выгонять не собираюсь, – ничего плохого ты не сделал. Доедай и пойдём-ка к старейшине, прогуляемся, глядишь, вспомнишь чего. А коли нет, так спросим совета, как нам с тобой быть.

Комен застыл с приоткрытым ртом. В памяти вдруг всплыло лицо Арконианы, но как к этому относиться альбос не знал. Лик прекрасной женщины не вызывал никаких эмоций, но Комену казалось, что он упускает нечто очень важное.

«Матеус сказал, что я не на Корунене, значит, Евстрай, но встретили меня тепло. Там кроме солдат никого и не встретишь. Очень странно».

– Спасибо за доброту. Скажите, уважаемый Гастод, а как называется это место?

– Деревня-то? А вон, видишь гору? – сказал дед, показывая в окно на верхушку

ближайшей горы, скрывающейся за облаками.

Пришелец кивнул.

– Ну так вот, эта гора называется «Пик Гира». В честь легендарного предводителя Игнийцев, но это каждый ребёнок знает. Так вот, мы живём у её подножия. Есть ещё две горы: «Утёс Нека» и самая высокая «Вознесение Вандерии», но все их называют просто Гир, Нек и Вандерия. Раньше нас посещал один торговец, так он говорил просто деревня Гира, а мы и не жаловались никогда!

– Но ведь на Евстрае только вулкан, – тихо произнёс гость. – Ох, всё как во сне...

– И не говори, сынок, райское местечко! Крабов хоть отбавляй, фрукты растут, будто сама Эллария помогает нам, одно плохо – вся молодёжь ушла... Матеус последний из детей остался. Видишь ли, горы дают нам защиту, но и отрезают от внешнего мира, редкие торговцы приплывают к нам на плотках из-за косы. В основном за панцирями и мясом крабов, но и их добывать скоро станет некому.

– На плотках? За панцирями крабов? Эллария?! – оживился парень. – Вы думаете, что она существует?

Дед Гастод в удивлении раскрыл рот и вытянул руку ладонью вверх:

– Всю жизнь живу на Тефтонге и ни разу не сомневался, что она существует. Пошли-ка дружок, Вариллия напоит тебя настойкой фиалки трёхцветной. У тебя жара нет, случаем? Дай-ка проверю, – дед встал со стула и, опираясь на стол, подошёл к Комену, чтобы потрогать лоб. – Вроде негорячий... Досталось же тебе, искатель приключений...

– Я в порядке! Извините... Это ваше дело, и я должен быть благодарен за гостеприимство.

Дед долго с грустной улыбкой смотрел на Комена. Здоровый глаз прыгал с лица на волосы, с волос на одежду и задержался на левой руке. Альбос тоже невольно взглянул на руку, и зрачки его округлились. Печати – гордость и сокровище Комена, потухли, оставив лишь блёклый след. Теперь они выглядели скорее как незаурядная и порядком выцветшая татуировка.

– Эээ, это, я могу объяснить! – сглотнув образовавшийся в горле ком, сказал Комен.

– Не надо, сынок, меня не волнует твоё прошлое, тебе и так уже достаточно досталось. Только пообещай мне одну вещь, за это я стану относиться к тебе как к родному.

Альбос растерялся:

– Но... Как я могу пообещать что-то, не зная о чём речь?

– Не бойся, я ничего не стану требовать. Матеус – мой внук, помог тебе. Кроме него у меня почти никого не осталось. К тому же он очень добрый и доверчивый парень, – Гастод подошёл к ведру с чистой водой, зачерпнул и не спеша отпил. – Я прошу, чтобы однажды ты отплатил ему той же монетой. Пусть это будет через месяц, а может год, неважно.

– Уважаемый Гастод, я постараюсь сделать всё, что от меня зависит, правда, но я ничего особенного не умею, поэтому, извините, я не уверен...

Дед опустил черпак в ведро и повернувшись внимательно осмотрел гостя:

– Ладно, может быть, я многого прошу. Я вижу, ты доел, идём-ка...

Старик не успел договорить, как с улицы донеслись голоса и в дом вбежал радостный Матеус:

– Деда, деда! К вам с утопленником пришла баба Варка! Ха! Я сбёгал и рассказал, что спас человека!

– Дорогой Гастод! – низенькая старушка приветствовала выходящего из хижины деда.

Опираясь на тонкую резную тросточку из древесной ветки, она широко улыбалась. Одета она была в поношенное серое холщовое платье и красный платок на голове. На ногах из-под полы платья проглядывали растоптанные сандалии. Шею украшало длинное ожерелье с резными кубиками, сделанными из такого же красного дерева, как и трость. Рядом со старушкой переминался с ноги на ногу бугай с косым взглядом и взъерошенными волосами. Комен подумал, что здоровяк пришёл за ним, и в ожидании неприятностей остановился в тени, под навесом у входа в дом.

– Варка, дорогая, как я рад тебя видеть! Мой дом всегда открыт для тебя, как сердце искателя открыто взору птицы Эбису! – старик расправил плечи и разгладил бородку. Комену показалось, что он вдруг стал выше и моложе.

– Проходите скорее, наш завтрак ещё не остыл! – зазывал Гастод.

– Ох, милый друг, как и тринадцать лет назад, твои речи – услада для моих ушей. Но, прошу, я прибежала сюда, как только малыш Матеус рассказал мне о странном бедняге, что попал в кораблекрушение во время вчерашнего шторма!

– Бабушка, я уже не малыш! – вставил Матеус, бегая по кругу.

– Конечно, малыш, конечно! Познакомьте же нас с гостем, не нужно ли ему залечить раны?

Стоя в тени крыши веранды Комен чувствовал, что опасности нет, но что-то во всех присутствующих настораживало, головная боль мешала сосредоточиться и определить в чём дело.

– Наш гость, кхм, он... Вот же он! – дед махнул рукой в сторону Комена, стоящего около деревянной балки, удерживающей навес. – Думаю, он сам вам всё расскажет, проходите в дом!

Варка попросила сопровождающего её здорового бугая остаться в саду и поиграть с Матеусом.

– Пусть детишки поиграют, Пегу нужно больше общаться со сверстниками, – с милой улыбкой сказала старейшина деревни. Достав из складок платья маленькое стёклышко и тщательно протерев его, Варка продолжительное время рассматривала пришельца:

– Бедняжка! Гастод, что за гостеприимство! Принеси мальчику другую одежду, он же весь в лохмотьях!

– Так у меня ничего и нет на него, – изумился дед.

– Загляни-ка в сарай, неужели Когтар забрал всю одежду, когда уходил?

– Хм-м, может что-то и осталось, – ответил Гастод глядя исподлобья и медленно поковылял в сторону заднего двора.

– Так как же тебя зовут, юноша? – мягкий голос старейшины обращался к Комену.

– Комен, кажется...

– Кажется? Матеус сказал, что ты здорово ударился. Помнишь что-нибудь о случившемся? Где твои близкие, родители?

Глаза старушки смотрели с лёгким прищуром, как будто она не доверяла пришельцу и пыталась вывести его на чистую воду. Этого Комен боялся больше всего, ведь и сам понимал, как его появление в деревне выглядит со стороны. Помню всё, только не помню, как к вам попал. Шикарно. Соврать что ли?

– Извините, я действительно потерял память. Всё, что я помню – это лица некоторых знакомых. Кто-то из них наверняка был моим другом и беспокоится обо мне. Я понимаю, что случилось что-то страшное, но что... – Комен встретился с Варкой взглядами, прижал

подбородок к груди и опустил глаза.

– Вот как... Дай-ка мне свою руку, – сказала старейшина, и Комен, поколебавшись, положил перед ней ладонь. Варка взяла ладонь двумя руками и, мягко массируя фаланги пальцев, стала насвистывать незнакомый парню мотив. Рука заметно нагрелась, ладонь вспотела.

– Интересно, очень и очень интересно! Значит, ты либо действительно ничего не помнишь, либо искусно контролируешь внутреннюю энергию и не хочешь делиться воспоминаниями. Глядя на тебя, я бы ни за что не подумала, что ты маг высшей ступени.

– Маг? Нет-нет, что вы, я в эту чепуху не верю. Только вот что-то с печатью случилось, но я думаю, что разберусь, как только вернусь домой!

Варка долго внимательно смотрела в растерянные глаза Комена, потом на руку, всё время поглаживая большими загорелыми пальцами его бледную ладонь.

– И где же твой дом, мальчик?

Идьдраир, Сол его задери. Как бы его описать, чтобы Варка точно поняла место, но не поймала на лжи?

– Я помню гору, ущелье, город из камня... Вокруг холодная вода.

– Горы у нас есть, со всех сторон, где нет воды, но город из камня... В столице камня много, но там тепло. Вода холодная – это на север. А чтобы всё вместе, – старушка задумалась. – Ласкерль может быть? Только путь туда неблизкий, а тебе нужно отдохнуть и набраться сил. Я попрошу Гастода, чтобы он, покамест, за тобой присмотрел. Спать будешь в заброшенной мельнице, там давно никто не живёт, да и жёрнова не работают. Но всяко лучше, чем ночевать под открытым небом.

Пока Комен думал над значением слова «ночевать», старик вернулся из сарая и с грохотом опустил на стол целую охапку разной одежды.

– Налетай! Это старое добро Когтара, отца Матеуса. Посмотри, вдруг что-то подойдёт.

Комен, стараясь скрыть усталость, стал примерять подошедшую по размерам одежду, а Варка тем временем рассказала ему историю родителей Матеуса:

– Когтар и моя дочурка Весена поженились пятнадцать лет назад, да долго на ребёнка не решались. В то время племена с Игнфтонга повадились приходить через ущелье в Пике Ги́ра. Забирали всё, что к полу не приколочено, треклятые! Мельница – та маленькая, еле на всех в деревне хлеба хватало, а одной рыбой да крабовым мясом малыша не прокормишь. Однажды собрались силачи с деревни, да завалили проход этот, что в ущелье. Ох, такой тогда обвал случился, один под камнепадом так и отправился к Версе. Зато эти ужасы прекратились и отбирать еду у нас перестали. Тогда, аккурат через год и Матик родился. Ох, счастья было! Гастод тогда на симфоне играл, вся деревня плясала, да и мы с ним тогда...

– Кхе-кхм, ты заканчивай, заканчивай, – перебил Варку покрасневший дед.

– Ах да, ну и как Матику три года исполнилось, захворала Весена! Лекарств у нас не было никаких, а внешний мир закрыт либо горами, либо океаном. Тут-то живи себе, наслаждайся, а покинуть деревню не так просто. Муженёк места себе не находил, лекарство хотел найти. Да только от чего? Фиалка и та не помогала... – Комен заметил, как глаза старухи блестят от влаги.

– Решил тогда Когтар в Ласкерль идти, магов на помощь звать. А как выбраться отсюда? Пошёл, значит, он, искать путь, о котором среди старых шахтёров ходили слухи. Мол есть в шахтах под горой Ги́ра какой-то старый ход, а точнее сказать – сеть пещер что может путника провести сквозь гору. Только вот опасно это, карты нет, а бóльшая часть пещер затоплена. Да

только храбрецом был наш Когтар, и на кабанов ходил, и даже игнфтонгца победил однажды в поединке. Пошёл, значит, он в те пещеры и больше не вернулся. А Весена, девочка моя, продержалась ещё с полгода и отошла к Версе. Сжалилась над её страданиями богиня смерти, да забрала к себе. Ни я не помогла, ни Матик. Ах, как он старался маму вылечить. Такой маленький, а всё-всё понимал. Упражнялся с водичкой каждый день, да слишком поздно было...

– Кхм. Мда-а... – протянул дед и положил голову на руки. И Гастод и Варка молча стеклянными глазами смотрели куда-то вдаль. Комен же в это время пытался вдеть ногу в узкие штаны, что оказались ему слегка не по размеру и разрушил неловкое молчание громким падением. Быстро поднявшись, он заметил, что дед и старушка с улыбкой смотрят на него:

– Вот так красавец! – произнесла Варка.

– Глядите-ка! Морской волк и стилига! – в двери стоял Матеус и хохотал, оперевшись о косяк.

Короткая куртка из бурой кожи с высоким воротником и широкими плечами сильно контрастировала со светлыми тонкими облегающими штанами, но выбор был невелик. Комен покраснел и начал было снимать наряд, но старики уговорили парня оставить всё как есть и пойти отдохнуть на мельницу. Альбосу это показалось удачной идеей, ведь мысли до сих пор не собирались воедино, и ему требовался крепкий сон.

Варка отправила Матеуса и здоровяка Пега, прибраться в заброшенной мельнице.

И не успел Комен рассмотреть ни мельницу, ни сохшиеся просевшие балки, не обращая внимания на спёртый запах гнили, как увидел её. В углу, у стены, в тонких лучах света из маленького грязного окна, стояла деревянная кровать. Стянув мягкую пыльную подстилку, похожую на мешок, и улёгшись прямо на доски, Комен в мгновение забылся долгожданным сном.

Во сне он видел себя со стороны в глубокой каменной пещере. Он рассматривал своё отражение в зеркале изо льда. Лёд расползлся от зеркала и спустя пару мгновений пещера озарилась ярким светом, превратившись в ледяной грот. Комен увидел интенсивное голубое свечение под ногами. Ледяной пол раскололся, и парень упал в пустоту вместе с осколками.

***

Глубокой ночью в маленькой деревушке у подножия горы Гира раздался оглушительный крик. Многие проснувшись высунулись посмотреть, что произошло, в том числе и старик Гастод. Когда дед доковылял до источника звука, там уже шла необычная для деревни суэта. Несколько мужчин вёдрами таскали воду из залива, среди них был и здоровяк Пег. Поодаль, на ступенях ведущих к мельнице, в одних штанах, измазанный в саже, сидел Комен. Закрыв лицо ладонями, он нервно покачивался на ступеньке.

Сердце Гастода ёкнуло:

– Парень, ты в порядке?

Но не получив никакого ответа, счёл наличие головы на плечах достаточным и двинулся дальше к мельнице. В нос ударил резкий запах гари, тлел деревянный сарай, в котором бывший мельник хранил инструменты и различного рода принадлежности для жизни.

– Что здесь произошло?

– А пёс его знает, дед, сначала кто-то орал как полоумный, потом, слышу, что-то разбилось. Я на улицу, а тут пылает уже! – зло ответил один из мужиков, наблюдающих за

тлеющим пепелищем, и, ткнув пальцем в сторону спуска, добавил. – Этот вон, из-за сарая выскочил, давай курткой тушить, да сам чуть не загорелся, теперь сидит поди, чухается.

На затухающие угольки выплёскивали остатки воды. У подошедшего Пега Гастод уточнил, не видел ли тот кого-нибудь необычного?

– Мама сказала принести воды, огоньки потухли, но Пегги обжётся. Матеус полечит? – по слогам произнёс бугай и с ужасом уставился на волдырь, вскочивший на тыльной стороне ладони.

– Ступай, сынок, скоро рассвет. С утра займёмся твоей раной, а Матик ещё спит, – к облегчению деда никто не собирался устраивать выяснения прямо сейчас, и народ стал расходиться.

– Мальчик мой, ты так и будешь тут сидеть? – Гастод уселся на ступеньку выше Комена. Тот уже сидел спокойно, но всё ещё закрывал лицо руками.

– Это безумие какое-то! Где Сол? Почему так темно? – всхлипывая произнёс парень.

– Да что с тобой такое, Комен? Возьми себя в руки и прямо сейчас расскажи, что случилось!

Взять себя в руки оказалось не так-то просто, и дрожащим голосом Комен ответил:

– Я... Я проснулся и хотел... к вам вернуться, как договаривались, а кругом темно! Открыл дверь, на улице тоже ничего не видно!

– Так ночь на дворе, а пожар-то как случился?

Комен скороговоркой выпалил:

– Я вышел из мельницы, протёр глаза, а там у сарая маленький огонёк! Как факел, только внутри стеклянной коробки, будто ведьма спрятала туда огонь! Ну, я его и разбил! Оттуда полился жидкий огонь, стало светлее, но не повсюду. Я спрятался за сараем, но и он скоро загорелся! А потом кто-то прибежал. Они кричали и тушили огонь, но он лишь сильнее разгорался! Тут я и понял, что разлил масло. Простите меня, я ничего не понимаю. Что со мной происходит? Что происходит вокруг?

– Подожди-ка, парень, ты никак в пещере жил раньше? Да, под горой Гиры ночью особенно темно когда спутники Элларии заходят за гору, здесь хоть глаз выколи, это правда. Но в остальном... Фолио сел, пока ты спал, вот и всё!

– Называйте, как хотите, но куда он сел? Так не бывает!

– Каждый день бывает, ты это, глаза что ли открой, да сам посмотри.

Комен приоткрыл глаза, протёр их от сажи и в удивлении разинул рот. За всю свою жизнь он никогда не видел ничего красивее. На его глазах из воды поднимался ярко-оранжевый диск, освещающий всё вокруг.

– С ума сойти! Как Сол, но движется! – не веря своим глазам Комен выставил перед собой ладонь, пряча лицо от света. Обернувшись назад, он увидел тень на склоне. – Так, значит, она существует?! Эллария! Это не сон?

– Смотря что ты называешь сном, – задумчиво произнёс старик. – Что ж, раз ты не спишь, пойдём. Поможешь мне подготовить снасти. Самое время для утренней рыбалки. А потом надо будет здесь прибраться. Ты набедокурил, тебе и расхлёбывать.

– Как скажете... – не отрывая взгляда от горизонта Комен наблюдал, как восходит Фолио. – Соловщина какая...

Спускаясь с холма, альбос впервые обратил внимание, что солнечные лучи приносят не только свет, но и тепло. На душе всё ещё висел тяжкий груз, но потерю памяти затмили эмоции от осознания, что мир из сказок действительно существует.

Следующий день Комен провёл помогая деду и восстанавливая сарай вместе с тем ворчливым мужичком, что первым прибежал ночью на помощь. Мужик не назваля и игнорировал большинство вопросов не по делу. Деваться некуда, в голове зрели новые вопросы о мироустройстве Элларии. Украдкой альбос поглядывал на светило, огибающее небосвод по дуге и ближе к вечеру, застыв на четверть часа, смотрел, как оно заходит за гору.

Вторая ночь пришельца на Тефтонге была спокойна, чего нельзя сказать о следующем дне.

Глава 5. Комен. Малыш Пег

«Взяв волю в кулак, подпоясался лихо, Вышел на поиск лиловой искры. Город уснул. Со стены спрыгнул тихо, Сжимая зелёный кулончик сестры»

Из сказаний «Об охотнике за грозами»

Ранним утром в хижину Гастода вошла старейшина деревни. Матеус сидел за столом, макая кусочки свежей лиловой дыни в любимое цветочное варенье. Напевая простенький мотив с полным ртом, он не сразу заметил появление бабушки.

– Матеус, дорогой, ты дома? Дедушка уже вернулся с рыбалки? – окликнула Варка молодого мага.

– О, привет, бабуля! Да, деда рыбу чистит на заднем дворе, – приветствовал Варку мальчик.

– Сбегай-ка, пожалуйста, на Хелимову косу за рыжими грибами и сорви немного васильковой черешни в саду. Сегодня буду варить грибной чай с фруктами. Только прошу, мальчик мой, не ломай ветки, как в прошлый раз.

– Ура-а! Чай с пузырьками! Уже бегу! – кричал Матеус, выбегая из задней двери. – Деда, там баба Варка пришла!

– Не дай крабам себя окружить, воин! – вдогонку крикнул дед и с улыбкой покачал головой. Оставив рыбу плескаться в ведре, он вошёл в дом:

– Похоже, мы стали видеться чаще обычного, Вариллия... Или лучше называть тебя бабушка Варка?

Старейшина опустила глаза, обернулась, и, убедившись, что никого нет рядом, сказала:

– Не позволяй ошибкам минувших дней преследовать тебя, Гастод. Я пришла поговорить насчёт нашего гостя. Он выглядит потерянным, и мне хочется ему верить, но... Ты же видишь, как он реагирует на абсолютно обычные вещи?!

Дед усмехнулся в ответ:

– М-да. Рогоколу ясно, что он юродивый! Не совсем дурачок, но... Мне кажется, он ещё до крушения корабля был странным. Вчера после пожара видел рисунки на его теле... – задумался он. – Парень не из наших мест, но и не с Игнфтонга. Жители пустыни смуглы и поджары. А Комен бледный как скелет и я сомневаюсь, что он когда-либо держал в руках молот.

– И всё же я волнуюсь! Что, если он не случайно к нам попал? Вдруг пришёл за... – Варка осеклась, испуганно посмотрев на собеседника.

Тот выглянул в окно и, стиснув зубы, процедил:

– Не мели чепухи, Варка, откуда это может быть кому-то известно? После обвала в деревне чужаков не было, а Когтара ты однажды приняла как родного. Этот бедолага ничем не хуже.

– И всё же... Он другой! Когда я прикоснулась к нему, то не почувствовала ни толики магии. Его душа холодна как камень! Я чувствовала злость, растерянность, разочарование, боль... Много боли! Что угодно, но он не пуст! Пустые вытягивают энергию, а этот словно не живой. Что-то здесь не так, дорогой друг. Может быть, наш Комен не так прост, как кажется? Надо бы проверить, на что он способен.

– Я отведу его на могилу твоего деда, но не сейчас. Мне нужно дочистить рыбу.

– Хорошо. Когда Матик вернётся, пришли его ко мне, нужна помощь. Пег спозаранку куда-то ушёл, и я теперь волнуюсь, на него это не похоже.

Гастод кивнул и вышел наружу.

***

Комен спускался с холма в отличном расположении духа. Всё утро он копался на чердаке мельницы и нашёл отличную замену куртке, сожжённой в попытках потушить сарай. Лёгкий кожаный жилет сидел на рубашке свободно, но, по необходимости ужимался в талии ремнём. Новая одежда нравилась куда больше: не сковывала движения и лучше подходила для тёплого климата.

Мысли занимали различия миров Элларии и Ионии:

«Интересно, как они определяют здесь время?» – думал альбос, глядя на здешнее подобие Сола. Вытянув одну руку параллельно земле, а второй указал на светило. Угол между руками получился почти прямой. – «Наверное, как-то так?»

Решив, что стемнеет нескоро, довольный собой Комен двинулся в сторону дома Гастода. По пути он встретил Матеуса, мчащегося на всех парах от дома старейшины.

– О, привет, утопленник! Помоги, а? Никто не хочет со мной искать Пега!

– Меня зовут Комен, ты же помнишь?

– Да-да, конечно, помню! Помоги найти Пега, пожалуйста? – канючил мальчик. – Я должен был вылечить его ожоги, а вчера весь день охотился на крабов и искал грибы. Бабушка сказала, что он отправился на гору, нарвать лечебных трав. Но, Комен, здоровяк ни в жизнь глаорию водянистую от трёхцветной фиалки не отличит!

– Почему ты не взял его с собой на охоту?

– О-ой, ему нельзя! Пег с детства до мурашек боится крабов! Жу-уткая история! – Матеус выпучил глаза, вывалил язык и, схватив себя на шею, принялся изображать удушье.

– Прекрати, – испугался Комен. – Я помогу, но совсем не знаю здешних мест.

– Ничего! Главное, будь рядом! Бабушка не отпускает меня одного в гору, говорит, что со мной должен быть взрослый, а ты уже взрослый! Всё просто!

– Хех... Логика твёрже скалы. Ну, веди.

– Ура! Сейчас только за своим посохом сбегаю и двинем!

Вскоре маленький проводник вернулся с тяжёлой палкой и с маленькой сумкой, висевшей на поясе. Без долгих рассуждений поисковая команда покинула деревню у подножия горы Гира. Матеус горел новым приключением и скакал вокруг Комена с улыбкой до ушей. Но и альбос поднимался по тропинке без ощутимого напряжения, вспоминая, как в детстве лазил по крутым горным хребтам Ильдраира.

– Вот, мне деда дал походную сумку! Там ничего нет, но он сказал, что мой папа с такой раньше ходил в горы и приносил гемы!

– Гемы? – не надеясь понять, Комен всё же задал вопрос, не дававший покоя с первой встречи с Матеусом.

– Слизневы мозги, ты что?! Гемы – это гемы!

Комен поднял брови и закатил глаза:

– Да ла-адно? А я-то ду-умал...

– Ну, это... камушки красивые. Они такие фиолетовенькие, иногда голубые и переливаются на свету. Я даже однажды видел зелёный! Такой красивый! – с придыханием

объяснил мальчик.

– Ладно... А что с ними делают?

– Как что! Вот ты ударился, конечно! За зелёный можно целый дом купить. А за голубенький, деда рассказывал, хорошую удочку. У меня уже три голубых! Когда я вырасту, хочу стать панчером и тогда смогу деду купить столько удочек, сколько он сможет унести! А ещё лодку новую, но она подороже будет, – паренёк на миг сбавил шаг, задумавшись, но спустя мгновение уже снова улыбался во весь рот.

– Хм, так просто, это всего лишь деньги.

– Не-ет, никакие не деньги-шменги! По-другому их называют драгоценными самоцветами! В гемах заключена сама «энергия»! – выделив последнее слово, сказал Матеус и поскакал вперёд.

Тропа, уводящая в гору, петляла из стороны в сторону и путала Комена. Он боялся заблудиться в лесу, ведь ещё никогда не встречал такого густого скопления деревьев, но помогало, что на пути попадались сломанные ветки деревьев и притоптанная трава. Вот уже целый час странная парочка из бледноликого альбоса и загорелого человека поднимались всё выше по склону. Вдоль тропы росли кусты с диковинными для альбоса синими ягодами. И высокие цветы, о которых Матеус отозвался просто: «Это полуночники! Днём спят, а ночью распускаются и освещают путь».

Ещё один вопрос жутко интересовал Комена:

– Так, а кто такие эти панчеры? Почему ты хочешь стать одним из них?

– Мой папа им был! Они сражаются со злом, защищают нас и добывают гемы! Самым лучшим из них достаются большущие сокровища! А ещё они путешествуют по Элларии, охотятся на редких монстров и им поручают разные задания высокой важности. Вот. А ещё... ещё у них есть большая колотушка или молот! Они очень сильные и ничего не боятся!

– Хм. Сражаются и защищают? Как послушники... – в памяти Комена всплыли силуэты в робах с копьями. Висок кольнула боль и голова слегка закружилась.

– Не-е, эти точно никого не слушаются! Мой папа вот маму с дедой не послушался и ушёл за лекарством. Я тогда маленький был... Мама болела очень.

Матеус опустил взгляд, и Комену показалось, что он вот-вот пустит слезу. – Наверное, он не нашёл лекарство и побоялся возвращаться ни с чем. Я всё понимаю, он не виноват в том, что случилось с мамой...

Матеус недоговорил и замкнулся в себе и Комен не нашёл чем приободрить мальчика.

С каждой сотней шагов, пройденных в гору, трава становилась всё гуще, а деревья – выше, но реже. Матеус разглядел несколько раздавленных ягод и, решив, что здесь прошёл здоровяк Пег. Тогда парочка сошла с тропы и двинулась по следу. Забыв неприятный разговор, мальчик шёл впереди, расчищая путь посохом. Спустя несколько ожогов о кровь-траву ребята выбрались к большому ручью.

– Ау, как жжётся! – негодовал Комен. – Это не опасно?

– Ха-ха, тебе даже полезно, утопленник! Кровь разгонит! Глядишь, порумяней станешь, а то ты, как из пещеры вылез!

Горный ручей оказался по щиколотку, но местами можно было провалиться и по колено. Коснувшись студёной воды, Комена словно стрелой пронзила головная боль и он, прогоняя невнятную вспышку воспоминания, пошёл дальше. Ниже по течению виднелись крутые пороги, а выше ручей тёк спокойно, огибая большой, обросший мхом бульжник, высотой гораздо выше Комена. Ребята решили не рисковать, прыгая по порогам, и отправились на

поиски к камню. Вокруг него образовалась небольшая полянка, вокруг которой раскинулись кусты, блестящие сочными розовыми плодами. На противоположной стороне ручья рос огромных размеров камыш.

– Если б здоровяк полез в камыш, то переломал бы его, – сказал Комен. – Давай поищем следы с этой стороны.

– Точно! Мы с тобой как сыщики! – обрадовался мальчик.

Пока Комен рассматривал растительность, Матеус высматривал зацепки в прозрачной воде ручья.

– Эй, смотри! – Матеус, взяв посох в обе руки, стукнул им о бульжник. С каждым ударом вода всё больше изменяла свою форму, как будто русло реки во что-то упёрлось. Пенящийся поток ударялся о невидимую стену, но и не покидал своего русла, будто наполняя прозрачный сосуд. После, обогнув незримое препятствие над головой мага, водопадом продолжил путь.

– Ха-ха! Водяная арка, – с лучезарной улыбкой сказал мальчик.

– Как ты это сделал?! – брови Комена поползли на лоб.

– Я водичку попросил, а она сделала. Меня так бабушка учила!

– Сумасшествие какое-то. Прекращай, нам нужно искать твоего друга, – сказал Комен, плохо скрывая смятение и кольнувшую зависть. Отвернувшись от невидимого акведука, он пошёл вверх по течению, разглядывая кусты. На их верхушках мелкими гроздьями росли ярко-розовые ягоды. Приглядевшись, альбос заметил, что снизу ягод нет. Присев рядом с одним из кустарников провёл рукой по обглоданной кисти.

– Ягоды Рибес, хочешь, попробуй. Только это дикие кустарники, кислятина, – сообщил мальчик и сморщил лицо.

– А кто их так обглодал снизу? Пег что-ли? Вся трава вокруг затоптана.

– Не-е, Пег высокий, верхушку мог объесть, но грозди снизу он бы просто не заметил, – рассудил Матеус.

– А кто тогда? И что это за звук? Снова ты стучишь?

– Нет, не я... – возразил мальчик. – О-ой-ёй...

Комен обернулся и увидел на лице парнишки тревогу. Отшатнувшись от куста, стал медленно пятиться назад к валуну, прислушиваясь к приближающемуся топоту. Мальчик же остался стоять как вкопанный между валуном и кустарниками.

В следующий момент из-за кустов с громким хрюканьем один за другим выбежали четыре жирных хряка. Не сбавляя скорости, кабаны неслись на Матеуса.

– Беги, Мат! – успел выкрикнуть Комен, но тот и не думал двигаться и стоял, выпучив глаза. Тогда Комен сделал длинный рывок навстречу к оцепеневшему мальчишке. Прыгнув, сшиб его и, плашмя упав на сырую землю, поджал ноги. Кабаны пронеслись мимо, чудом не оттоптав ребятам ступни. Быстро придя в себя Комен заметил, что Матеус уже мчится к валуну, а кабаны разворачиваются для нового рывка. На этот раз их целью стал сам Комен.

– Что это за твари?! – взвизгнул он, увидев на лбу несущегося на него хряка большую костяную пластину. Живой таран стремительно надвигался и альбос нурнул вбок, убираясь с пути кабанов. В самый последний момент, услышав злобное пыхтение совсем близко, он вновь прыгнул вперёд и улетел в кустарник, раздавив своим весом несколько гроздей ягод. За спиной раздался глухой удар, через миг уши пронзил визг хряка и треск дерева, а через мгновение Комен услышал, как со свистом упал ствол.

Испугавшись грохота и яростного воя животных, Комен выпучил глаза, вскочил и, не

глядя на поляну, рванул из кустов к валуну. Услышав позади злобное хрюканье, припустил с удвоенной скоростью и нёсся, уже не замечая вязкого дна ручья. Приблизившись к камню, Комен подпрыгнул настолько высоко, насколько это позволила сила ног и вязкая опора под ногами. Схватившись руками за гладкий край камня, он попытался подтянуть тело как можно выше, но еле сдвинулся. С трудом развернув голову Комен увидел, как ему показалось, огромный таран, на конце которого прилип разъярённый хряк, и невольно вскрикнул:

– Мама!

Подтянув ноги под себя, Комен почувствовал мощный удар о камень. Руки тут же сорвались, и он рухнул спиной вниз, приземлившись на что-то твёрдое. Дыхание вышибло ударом и Комен, лёжа на боку, мог лишь в ужасе наблюдать, как Матеус спрыгнул с валуна. За спиной у мальчика набирал разгон ещё один маленький кабанчик. Предупредить Матеуса не вышло, Комен не мог нормально вдохнуть. Вместо крика он невнятно промычал и, выпучив глаза, протянул руку в направлении кабана.

Матеус стоял в шаге от головы альбоса, корчившего гримасы ужаса, и вовремя заметил жест. Обернувшись, махнул одной рукой вверх в направлении хряка. Столп воды поднялся перед ним. Второй рукой мальчик будто бы зачерпнул что-то из воздуха и махнул назад, Комена обдало жаром. Вода мгновенно замёрзла и тут же разлетелась вдребезги от врезавшегося в него кабана. Кабанчик взвизгнул и похрюкивая убежал в противоположном от мальчугана направлении.

– Ха-ха, ты что, туполобых кабанов испугался? – рассмеялся Матеус озаряя Комена своей фирменной лучезарной улыбкой. – Я бы и сам с ними справился, незачем было так толкаться!

– Иди ты! – сирым голосом выдавил альбос и перевернулся на другой бок.

***

Медленно приходя в себя Комен сидел на пятнистом боку кабана. Только сейчас он сумел вблизи рассмотреть лобную костяную пластину, будто созданную чтобы дробить кости противника живым тараном. Но на этом удивительные открытия не закончились. Вслед за пластиной вдоль позвоночника кабана выпирали костяные наросты. Альбос потёр места ушибов на спине, поняв наконец на что сорвался с камня. Уйма вопросов снова роились в голове, и он даже не представлял, с какого лучше начать.

Матеус покопался в кустах возле поваленного дерева, вернулся к ручью и не сдержал эмоций:

– Слизневы мозги! Ну ты даёшь, утопленник! Двоих одним махом, тыщ, дуц, а потом этого об камень ка-ак... – мальчик набрал в лёгкие воздуха: – Бам! Бух! Хрясь! Да ты крутой, как... как мой папа!

– Не кричи, пожалуйста! Вдруг они вернуться? – понизив голос сказал Комен.

– Хм. Да, ты прав, деда говорил, что они обычно ходят стаями до восьми особей, – уже спокойно произнёс молодой маг. – Держи, ты спрашивал про гемы, теперь они твои!

Мальчик протянул руку. На раскрытой ладони лежали пять фиолетовых драгоценных камней, похожих на аметист. Уж в этом-то Комен разбирался. Только они были идеально огранены, чисты и искрились на свету. За каждый такой камень в Ионии убили бы, не раздумывая.

– Соловы потроха! Где ты их взял?! – брови Комена снова полезли на лоб.

– Э-эх... – протянул Матеус. – Ты ведь это сейчас серьёзно, да?

– Серьёзней некуда! Ты их из дерева выковырял, что ли?

– Какой же ты всё-таки странный, Комен. Смотри!

Мальчик положил драгоценные камни в сумку, попросил Комена отойти от туши хряка и поднял руку на уровне плеча ладонью вниз. Кабанчик засветился ослепительным светом, его туша буквально за несколько мгновений высохла до костей, а потом уже и кости стали стираться в пыль. Когда ветер унёс серебристую пыль, Комен заметил, что на месте хряка что-то поблёскивает. В примятой траве лежали ещё три гранёных аметиста.

– Он просто исчез?! – недоумевал альбос, не веря глазам.

– Смотри дальше, – Матеус полез в сумку, но замер и прислушался. Вниз по течению послышались звуки ломающихся веток.

– Стой, слышишь?! Они возвращаются! – крикнул Комен и через мгновение уже крутил головой сидя на валуне в позе сурка.

Громко ломая всё на пути, не обращая внимания на речку, заросли и кусты, к парочке приключенцев шагал Пег.

– Племяшка показывает фокусы! Хы-ы! Пег любит фокусы! – хлопая в ладоши и слегка прихрамывая, здоровяк подошёл ближе и застыл в ожидании.

Матеус обнял его и похлопал животу:

– Дядя Пегги! Ну наконец-то ты нашёлся! Бабушка очень волновалась. Зачем ты пошёл в горы в одиночку?

– У Пега болела рука. Матеус охотится на крабов. Пег боится крабов. Пег сам полечил. Хы... – Пег глупо улыбнулся и показал друзьям кисть, обмотанную листьями и стеблями цветов. Из листьев то и дело сыпались маленькие обрывки розовых, белых и красных лепестков.

– Фиалка, трёхцветная! Не перепутал! Молодец, Пегги, я тобой горжусь! – Матеус обнял здоровяка. – Только из неё надо сварить отвар или сделать припарку, ну да ладно. Сейчас я помогу.

Молодой маг снял гербарий, намотанный Пегом и небрежным взмахом руки, будто делал это уже тысячи раз, поднял из ручья маленькую тучку. Такую же, какой несколько дней назад приводил в себя Комена. Крупные капли оросили руку здоровяка, и покраснение спало, вернув коже нормальный оттенок.

– Всё, дядя, ты молодец, – махнул рукой Матеус. – А сейчас любимый фокус Пега. Комен, ты смотришь?

Паренёк снова встал как раньше и вытянул руку перед собой. Драгоценные камни послушно поднялись и упали в ладонь к маленькому магу. Достав из сумки остальные гемы, он пересыпал их все на одну ладонь, и восемь фиолетовых самоцветов стеклись друг в друга, будто капельки воды. На руке у мальчика образовался уже другой драгоценный камень, голубоватого оттенка и немного большего размера. Пег захлопал в ладоши и взвыл от радости:

– Хы-ы! Матеус молодец!

– Я знаю, это же голубой турмалин! – с воодушевлением сказал Комен. – Но эта огранка, что придаёт ему такую форму?..

– Да какая разница, – пожал плечами Матеус. – Гем он и на Баутонге гем, но этот голубой. Он дороже фиолетового. И теперь он твой!

Комен взял камушек, оценил его. Размер с третью фалангу указательного пальца, приятно увесистый. В лучах света, попадающего на поляну через кроны деревьев,

драгоценный камень отливал холодным лазурным оттенком. Камень тоже казался ледяным, хотя внутри Комен ощущал приятное тепло, разливающееся по всему телу.

– Спасибо, Мат, положи-ка его пока к себе в сумку, – держать в руке такой холодный камень было больно. – Нам нужно возвращаться.

Троица нарвала ягод Рибуса и покинула поляну тем же путём, которым Матеус и Комен на неё вышли. Сначала Пег рассказывал, как искал в зарослях цветы, а затем о том, как на него из кустов вылетел маленький кабанчик и он, идя по протоптанной тропинке, вышел на поляну, где колдовал Матеус. Вернее, Пегу казалось, что он рассказывает захватывающую историю, но в рассказе, как правило, преобладали междометия, широкие махи руками и излюбленное великаном: «Хы-ы!». Комен периодически давился от смеха, но не перебивал здоровяка, стараясь не попасть под замах огромных ручищ.

Когда Пег закончил повествование, альбос спросил:

– Мат, а как эти твои геммы попали в кабанов? Почему они так называются и где их ещё можно найти?

– Дедушка говорил, что они так называются из-за «Гем-о-глобина» в крови. Но это ты лучше у него спроси. Он тебе всё расскажет! А найти их можно где хочешь. Например, в крабах, слаймах, кабанах, вот... Бывает, чем сильнее краба треснешь о скалу, тем больше гемчиков выпадет. Но обычно не больше двух выходит. А из твоего хряка, посмотри, три получилось. Здорово ты его приложил, молодец!

– Что-то я снова ничего не понял... – потирая подбородок сказал Комен. – Если ударишь сильнее?

– Да не знаю я, это сложная наука. Надо книжки читать, разбираться... Но на деле всё просто! Берёшь молоток побольше да потяжелее и машешь им, что есть мочи! Так панчеры и делают! Раз замахнулся, прикончил монстра одним сильным ударом – держи горсть гемов. А если ты слабый и будешь долго ему по брюху колотушкой чесать, то либо совсем мало получишь, либо он тебя сожрёт. И скорее произойдёт второе! – договорив маленький маг хохотнул в кулак.

– Не горю я желанием молотом махать, лучше Пега попрошу. Если что, он кого угодно одной левой пришибёт. Правда, здоровяк?

– Пег сильный! Хряка в нос – бум! Хы! – отозвался бугай.

– Можно не махать! Учись управлять энергией! Бывает так: вытянешь всю энергию из водички, она и замёрзнет. Такой глыбой и убить можно! А однажды я заморозил кальмара прямо в воде, затащил куб льда с ним внутри на утёс и скинул! Вот умора была! – обрадовался воспоминаниям Матеус.

– А как научиться управлять энергией? Что это вообще такое?

– Ой, снова ты спрашиваешь такие сложные вещи. Энергия она же везде! Ты что не видишь?

Комен прищурился, резко замотал головой оглядываясь по сторонам, но ничего необычного не заметил:

– Не вижу? Она что, где-то прячется?!

– Нигде она не прячется, утопленник. Вот листья колышутся, ручей течёт, ветерок дует, цветы цветут. Фолио, например, нас греет лучами с неба. Всё это – энергия! Она есть везде и во всём, хоть и разная немного. Короче, энергия повсюду, бери да пользуйся!

– Как это, разная?

– И откуда ты такой взялся? – терял терпение мальчик. – Так уж и быть, утопленник,

расскажу. Внутри всего на свете есть энергия, и сама по себе она ничем не отличается. Но различают четыре способа взаи... взаимодействия с ней, во! Маги их называют магией: «Воды», «Земли», «Огня» и «Грозы». Есть ещё магия «Крови», но деда ругается, когда я про неё спрашиваю.

– И чем же они отличаются? – заинтересовался Комен.

– Не знаю, но каждый человек больше предрасположен к какому-то одному виду магии и лучше взаимодействует с энергией этой стихии. У меня – это води-ичка! Хотя чаще всего людям достаётся земля, а реже всего грозовая, я даже не знаю, что могут эти маги. Наверное, вызвать грозу.

– Погоди-погоди. Ты сказал, что каждый предрасположен к магии?

– Ну да. Правда деда говорит, что учатся ею управлять далеко не всё. А хорошими магами вовсе становятся лишь единицы. А у меня получилось! Значит, я та самая единица и стану великим магом!

– А, кроме тебя, Мат, есть ещё маги в деревне?

– Бабуля владеет магией земли. Поэтому она и стала хранительницей нашей деревни. Но она не любит ею пользоваться. Говорит, что не хочет никого будить. А кого будить-то! Днём и не спит никто!

– Пег спит, – отозвался здоровяк. – Пег любит спать. Кто хорошо спит – тот станет сильным. Пег сильный!

Матеус задумался:

– Может быть, не хочет тревожить Пега... Я не знаю... О, а вот и деревня! Пойдём к бабуле, она обещала напоить нас моим любимым чаем!

– Да, кстати, я так и не отблагодарил тебя, Мат. Спасибо, что не бросил меня на берегу. Не знаю каков ты в магии, но это уже был великий поступок.

– Ай, да брось ты, Комен! Только больше не тони!

– Утопленник, хы! – добавил Пег.

Глава 6. Меритас. Главный герой

«Цитатами стоит пользоваться только тогда, когда действительно не обойтись без чужого авторитета»

Артур Шопенгауэр

День был хмурый. С самого утра ветер разгонял серый туман над Евстраем, но ни туману, ни густым тучам не было конца. Пронизывающий ледяной дождь – частое явление на острове, но вот уже третий цикл, как осадки оставили жителей прибрежного городка Ореол в покое. Редкие взгляды надежды навверх, к Солу, служили одновременно проклятием и благодарностью местных. После череды аномально слабых, для ритуала рождения, энергетических всплесков, лишь редкий иониец жаловался на недомогание.

Каждый понимал причину перемен в погоде. Сол умер и родился вновь, несмотря на увещевания верховного. Да здравствует Сол! Страшного не произошло, а тела предвестников ужасной кары Ион Сола украшали столбы, вкопанные по всему Евстраю, задолго до событий трёхдневной давности. Горожане Ореола расслабились и вернулись к повседневным делам, но старались лишней раз не обсуждать стекляшку. Мало ли кто из солдат гарнизона решит выслужиться? Последователи верховного это любят.

Уоррен Перч – молодой капитан армии Евстрая и новоиспечённый начальник гарнизона в двадцать солдат на заставе вблизи Ореола. Последние несколько часов для были слишком утомительны: слушать крики черни под окнами не пристало офицеру и старшему сыну влиятельного чиновника. Поэтому начальник незамедлительно делегировал солдатам ответственное дело по усмирению нарушителей порядка.

Покуривая трубку, Уоррен полубоком сидел за столом в своём кабинете на третьем этаже смотровой башни. Третий цикл начальник примерял на поясе новенький нож, выданный ему по завершении обучения в кадетском корпусе. Мечом или копьём пользоваться так и не научился, а нож, по его мнению, придавал офицеру более грозный вид. Только вот повесить его так, чтобы он был и на виду и не мешал сидеть, никак не удавалось. Уоррен уже подумывал, чтобы вовсе снять нож, когда в дверь кабинета постучались. Не решив, как оставить ноги: поставить обе на пол, или закинуть левую ногу на правое колено, начальник как можно небрежнее крикнул:

– Кх-кхм. Войдите!

Двое офицеров, морщась и бросая презрительные взгляды на молодого капитана, втащили в кабинет тело в грязной мятой одежде. Уоррен не смог определить, кому именно принадлежала эта одежда, но раз не рваньё – значит, не из дешёвых. На грязной рубашке в районе груди виднелся зелёный символ в виде дерева с широко раскинувшейся кроной. Больше похоже на городской герб, что рисуют перед въездом в город на Ильдрайре... Но, чтобы кто-то на острове камня, скал и горных хребтов изобразил дерево? Должно быть, у этого человека очень специфичное чувство юмора. Чутьё подсказывало Уоррену, что из-за этого персонажа у него могут возникнуть проблемы. Изображая полное отсутствие заинтересованности, Уоррен незаметными движениями вытер о новый камзол вспотевшие ладони.

– Кто это? – ломающимся писклявым голосом сказал он. До настоящего командирского

баса ему было ещё расти и расти.

– Нарушитель. Местные приволокли его из города и оставили у частокола. Кричал. Угрожал. Пытался причинить вред здоровью рядовому. Всячески нарушал порядок, – отрывисто отрапортовал один из младших офицеров, продолжая поддерживать бессознательное тело. – Временно обезврежен. Куда прикажете его определить, Капитан?

– В тюрьму! – высоко задрав нос заявил молодой начальник.

– Не смею ослушаться, капитан, но у нас нет тюрьмы, – ухмыляясь ответил второй офицер.

– Грязное захолустье, конечно, у вас нет темницы! Так постройте её! Отец был прав, солдаты на этом конце острова страдают от безделья, в то время как ваши товарищи в столице сбиваются с ног, заботясь о безопасности Евстрая!

– Смею возразить, капитан. Кроме нашего гарнизона, в Ореоле солдат больше нет. А ближайший к этой части Евстрая противник – монахи с Корунена, живущие в декаде плавания. Да и последняя война с Ильдраиром закончилась, когда я был ещё младенцем. Зачем нам здесь темница? – возразил ухмыляющийся воин.

Неуклюже поднявшись из-за стола, Уоррен подошёл к телу, повисшему на руках у солдат. Они подхватили нарушителя под подмышки и подняли повыше. Ткнув бессознательное тело в грудь, Уоррен сказал:

– Чтобы держать там вот таких пьяниц и барагозов! Или вы хотите вешать на столб каждого буяна?

– Никак нет. Но мы солдаты, а не плотники.

– О, я уверен, вы что-нибудь придумаете, лейтенант Сурво. Ваш отец работает кораблестроителем на Чакре. И вы, вероятно, тоже умеете обращаться с инструментом. Поправьте меня, пожалуйста, если я не прав, – ухмылялся уже молодой капитан.

– Так точно! – отрапортовал лейтенант помрачнев. Он кивнул напарнику, и они увели нарушителя.

Улыбнувшись своей первой победе в качестве начальника гарнизона, Уоррен задумчиво рассматривал водную гладь на горизонте из окна своей маленькой башни.

«Я сделаю из этого захолустья образцовую заставу. А потом уже обо мне узнают канцлер и сам Верховный главнокомандующий! Маленький альбос всегда начинает с самых низов, главное – не сдаваться!»

Так, под сладкие мысли о скором продвижении по службе, Уоррен не заметил, как в очередной раз, просидел несколько часов, летая в облаках. Мерные, глухие удары деревянных молотков, напоминали, что подчинённые занимаются делом, а значит, уровень дисциплины непременно растёт.

На столе стояли громоздкие настольные механические часы, подаренные отцом перед отбытием сына из столицы в проклятое захолустье на другом конце острова. Тихо гудя от напряжения заводных пружин, они указывали на ярко-красную часть циферблата, когда с улицы донеслись крики и звон пожарного колокола.

– Как иронично. Снова придётся отвлекаться на исправления чужих ошибок вместо составления плана по улучшению дисциплины личного состава, – меланхолично произнёс капитан и направился к выходу из башни.

Горела старая повозка, служившая для перевозки провианта от города к заставе. Рядом с маленькой конюшней догорал стог сена. Двух гнедых лошадей уже вывели подальше от пламени. Пара офицеров без головного убора и в одних штанах, выставив свои печати

напоказ, пытались успокоить кобыл. От ближайшего колодца выстроилась вереница из дюжины солдат, поочередно передающих друг другу полные вёдра воды, а самый младший рядовой бегал с пустыми. На него-то Уоррен и обратил внимание:

– Рядовой! Отставить суету. Выпучив глаза, взмыленный парнишка с юношеским пушком на лице посмотрел на начальника гарнизона:

– Э-э?

– Набери воды и плесни на крышу, – Уоррен отвернулся от парня и окликнул воинов привязывающих лошадей. – Эй вы, двое! Что здесь произошло?

– Капитан, мы с напарником только вернулись из увольнения и отдыхали в казармах, когда загорелась повозка, – офицеры издали отдали честь и, не глядя на начальника, продолжили заниматься лошадьми. – Вам лучше узнать у Горлиха или Сурво, они руководили какой-то стройкой. А мы лучше присмотрим за вашими любимцами.

Уоррен вновь посмотрел на коней и махнул рукой, оставил воинов заботиться о животных:

– Только прикройте свои соловы отметины.

– Так точно!

Капитан развернулся, нашёл глазами солдата, которого отчитывал сегодня, и крикнул:

– Лейтенант Сурво! Ко мне! Рапорт! – он стеснялся мальчишеского голоса, и оттого фраза прозвучала нелепо и неуверенно. Лейтенант подошёл и молча пару долгих вдохов смотрел в глаза Уоррена, чем не на шутку его напугал. Глаза Сурво, выражали взволнованность и дикое желание показать щенку его место. Мало того что Сурво был вдвое старше Уоррена, плевать. Но его послужной список, который зачем-то тщательно скрывали в столице, внушал ужас.

– В ваше отсутствие никаких происшествий не произошло, мой капитан. Неуклюжий рядовой Сайлас, которого вы только что отправили мочить крышу конюшни, разлил масло рядом с костром для приготовления пищи. Кстати, отличная идея, командир. Мы с младшим лейтенантом Горлихом организовали тушение пожара, чтобы показать вам высокий уровень пожарной подготовки личного состава. Никто не пострадал, а Сайлас получит два цикла дежурства вне очереди.

– Хорошо-о, а где нарушитель порядка? Вы приступили к строительству тюрьмы?

– Нарушитель очнулся незадолго до инцидента. Сейчас его посадили в старую клетку для крупного скота. Она, мм... металлическая и парень не сможет в ней себе навредить. Всё под контролем, капитан, вы можете продолжать ваши неотложные дела. Прошу прощения за беспокойство.

– Да уж, я прощаю вас на этот раз. Но только потому, что тушение пожара было организовано быстро и эффективно. Можете быть свободны, лейтенант.

Сурво, казалось, скрипел зубами от злости во время разговора, но ухмылка вновь поселилась на его лице, стоило Уоррену отвернуться. Он вернулся в кабинет в приподнятом настроении, и вновь стал строить план по развитию гарнизона. В мыслях проносились образы развивающегося города. Первым делом стоит построить крепкие каменные стены, обустроить бухту Ореола и, конечно, тюрьму! Большой город всегда привлекает авантюристов, жуликов и воров.***

Вплоть до конца цикла никто не беспокоил начальника. Сол всё так же тускло освещал башню сквозь плотный строй туч.

Уоррен поудобнее устроился в кресле с парой десятков свитков, хотя в глубине души

желал больше происшествий. Он жаждал чувствовать вовлечение в жизнь захолустной заставы, где с момента постройки ничего не происходило. Опыта в военном деле Уоррен не имел, поэтому занимался тем, что у него получалось лучше всего – читал. Досконально изученные досье на подчинённых уже лежали на полках, и Уоррен коротал время до обхода чтением исторических заметок, привезённых с собой три цикла назад.

«Идею возвести на Евстрае оборонительные сооружения вблизи каждого объекта инфраструктуры среднего и крупного размера приписывают Канцлеру Еохаю. В 243 году от первого всплеска группа диверсантов, одетые в цвета острова Ильдраир совершили вероломные нападения сразу на несколько городов, подконтрольных государству Евстрай и верховному главнокомандующему, светлоликому Леонду VII. По счастливой случайности в водах агрессора проводились учения подавляющего большинства сил военно-морского флота и молниеносно ответили на угрозу со стороны предполагаемого противника. Причинённый урон инфраструктуре противника оставил невозможными дальнейшие посягательства Ильдраира на суверенитет государства».

– Чушь собачья, – Уоррен отложил длинный свиток «Становление и величие династии Евстрая» и зарядил дедовскую трубку новой порцией табака. – Кто, будучи в своём уме, поверит, что диверсанты оделись в цвета Ильдраирцев? И флот уже был готов атаковать. Как удобно! Грязная пропаганда... Ладно, пора на обход.

Выйдя из башни, Уоррен поправил воротник и поплотнее запахнул офицерский мундир. Ветер трепал непослушные кудри, выглядывающие из красной треуголки. Пуская кольца дыма, Уоррен двинулся на осмотр казённых владений. Маленький дворик вмещал в себя лишь башню, конюшню на четыре стойла и казармы на пару дюжин воинов, где ютился гарнизон. Солдаты, стоящие в дозоре у ворот, сделали вид, что не заметили Уоррена. Вдохнув побольше дыма в лёгкие, он крикнул:

– Эй вы, бездельники! Доложить обстановку.

Один из дозорных кашлянул в перчатку и, оглянувшись на товарища, сказал:

– Да, капитан! Во время вашего отсутствия никаких происшествий. Всё тихо.

– Где держат преступника?

Солдаты вновь переглянулись:

– Не могу знать... Вернее, я видел, как кого-то вели в конюшни после пожара. Вам лучше проверить самому.

– Хорошо. Вольно, рядовой. Тебя ведь зовут Саут Оуру?

– Так точно! – удивлённо ответил воин.

– Узнал тебя по разрезу глаз. Служи достойно и получишь возможность написать семье на Корунен.

– Да! Так есть! Ой! Так точно! – глаза воина стали ещё больше, а поза вдруг изменилась. Только что уставший от тяжести службы солдат вдруг расправил грудь и с воодушевлением взглянул поверх треуголки капитана. Второй солдат с недоумением глядел то на Уоррена, то на напарника.

В таком состоянии начальник оставил дозорных и постарался побыстрее обойти остальные посты. Мельком глянул в казармы, где отдыхающие воины с азартом рубились в игру под названием «Эффуджиэйрэ» или, в простонародье, называемой «Паникёрка». Уоррен вздохнул, вспоминая, как играл в неё всего пару декад назад в кадетском корпусе. Капитана никто не заметил. Поглощённые игрой, солдаты галдели во всё горло, потому Уоррен двинулся напрямик к конюшне.

Застав Сайласа в полудрёме на посту, начальник постарался пройти мимо, но рядовой вовремя очухался и от испуга чуть не уронил копьё. Кивнув пареньку, Уоррен попытался протиснуться в конюшню, но рядовой не сдвинулся с места и нечленораздельно промычал:

– Э-э, тц-щ начальник, эм-м, капитан! Вам туда нельзя! Сурво приказал никого не впускать!

– Лейтенант Сурво, рядовой. Он лейтенант. А мою нашивку ты прочитал правильно. Приказываю впустить меня.

– Э-э... Там ведь мокро! Вы приказали облить крышу водой, я целый час носил вёдра, но вы так и не пришли осмотреть работу. А к вечеру всё замёрзло. Ветер сегодня холодный.

Капитан с интересом посмотрел внутрь конюшни. Огонь не тронул её, но стараниями рядового вся конюшня была больше похожа на болото. С заиндеветой крыши капала вода.

– Это не просьба, а приказ! Отойди с дороги, дурень, – поднял голос Уоррен, раздражаясь и отодвигая Сайласа в сторону.

В конюшне, казалось, было ещё холоднее, чем на улице. В ногах валялось скомкавшееся промокшее сено, а на стенах блестели замёрзшие капли льда. В трубку капитана с крыши упала одинокая капелька, затушив тлеющий табак.

– Тьфу, – бросил он, сморщившись от звука собственного голоса, – предмета частых насмешек. В дальнем углу послышался грубый кашель.

Подойдя поближе, Уоррен рассмотрел полулежачего бедолагу, раздетого до подштанников и рубахи. Всё в нём казалось странным. И отсутствие печати на руках, и излишне тёмная кожа. Руки нарушителя сковывали металлические наручники, привязанные к прибитому в стене крюку. Увидев Уоррена, пленник дёрнулся, поправил бурую чёлку и, взглянув исподлобья, злобно прорычал:

– Ещё один клоун этого нелепого цирка!

Отчаянное состояние бедолаги поразило Уоррена. Сам бы он не протянул в так больше цикла.

– Тебе, кажется, нужна помощь. Я начальник заставы. Расскажи, что ты натворил?

– Я натворил? Да что ты себе позволяешь?! – откашливаясь, рычал пленник. – Я говорил правду!

– Так ты из фанатиков? Твоими друзьями увешаны все столбы от Виндэйла до Ореола. На твоём месте я бы не кричал об этом на каждом углу.

– А я бы на твоём месте заканчивал этот цирк поскорее, пока я, лорд этих земель, не замёрз и не отбросил концы!

– Выглядишь ты и правда не очень, – покачал головой Уоррен. Он сочувствовал парню и уже придумывал наказание для Сурво. Лейтенант буквально оставил заключённого умирать в холоде, не мудрено, что он бредит. – Тебе нужно согреться. Как давно ты ел?

– Сначала залили водой всё с ног до головы, теперь предлагаешь согреться? Ещё и в солому посадили, только мокрую! Это такая насмешка, да? Отец поручил надо мной издеваться? Я такой же лорд, требую к себе уважения и подчинения!

– Парень, я ведь не желаю зла и хочу тебе помочь. Поэтому прошу услугу за услугу.

Собеседник потупил взгляд и уже спокойнее спросил:

– Услугу? Какую?

– Ты дашь мне повод тебя помиловать. А я начну карьеру без кровопролития.

– Кровопролития?! Ещё одна дурацкая шутка?! – от волнения пленник раскашлялся. – Запугать меня вздумали? Приказываю отвести меня к отцу! Сейчас же!

– А кто твой отец? Я не знаю никого в Ореоле.

– Мой отец лорд Хейдина! И не делай вид, что не знаешь меня! – последнее слово пленник выделит интонацией и задрал нос.

– Хм, бургомистр, что ли? Города такого я на карте Евстрая не припомню.

– С меня хватит! – завопил пленник и стал дёргаться, тщетно пытаясь сбросить кандалы. – Я сожгу вас всех! И передайте отцу, что он потеряет солдат из-за этой идиотской шутки!

В конюшню на шум влетел Сайлас, лейтенант Сурво и ещё один солдат Горлих:

– Сайлас, лошадиная твоя башка, зачем ты впустил его одного? – послышалось у входа.

Лейтенант Сурво с ходу, не глядя на капитана, подбежал к арестованному и вырубил его прицельным ударом кулака в висок.

– Сурво, объясните... – начал было начальник гарнизона, но лейтенант с разворота мощной оплеухой огрел Уоррена, чем выбил землю из-под ног.

– Горлих, Сайлас, чтобы никто не зашёл сюда в ближайший цикл. Отвечаете головой. И принесите ещё одни кандалы. Выполнять.

Солдаты ответили хором:

– Так точно, товарищ майор! – и спешно удалились.

– Что за... – успел произнести Уоррен, перед тем как поймал лицом ещё одну оплеуху.

– Слушай сюда, щенок бюрократа, – схватив парня за подбородок, процедил Сурво. – Ради твоего назначения проклятый комиссариат инициировал проверку и нарисовал на меня компромат. Но я же добрый, согласился принять этот беспредел как должное. И понижение в звании. И твой непробиваемый инфантилизм. И даже надменное отношение. Но ты пошёл дальше! Прочитал в моём досье об отце? Что ещё ты прочитал, а? Отвечай?!

– Что вы себе позволяете, лейтенант? – простонал Уоррен.

– А я тебе отвечу, что ещё там было. Ни слова правды. Ни слова о моей настоящей службе! Ни слова, что я годами, потом и кровью шёл к званию майора. Но всё закончилось, когда какому-то шакалу из столицы захотелось пристроить своего щенка на годик, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Как удобно, не находишь?!

– Я не понимаю, о чём вы!

– Конечно. Куда тебе. Ты никчёмный. Я присматривался к тебе три дня, но ты только и делал, что сидел в башне. Да о чём с тобой можно говорить, ты даже копьё держать не умеешь!

Из-за спины Сурво появился лейтенант Горлих. Они наскоро заковали Уоррена, привязав в загоне напротив первого бедолаги, и собрались уходить.

– Лейтенант, это преступление. Вы не можете так поступить! Это трибунал!

– Посидишь здесь цикл, а может, и парочку. Пока не поймёшь, кто здесь действительно главный, будешь коротать время не в моей башне, а в лошадином дерьме, – с ухмылкой сказал Сурво. Наклонившись к самому уху лежащего парня, он прошептал: – Ах да, запоминай. Теперь для тебя я майор Сурво.

***

Уоррен сидел в луже поджав ноги и стеклянными глазами гипнотизировал конскую упряжь. Его сокамерник очнулся с протяжным стоном:

– Версовы вояки, что же вы творите... – увидев рядом с собой кислое лицо капитана, парень сначала замер, а потом залился хриплым смехом. Солдаты, стоящие у входа,

поддержали его. Уоррену показалось, что над ним смеются даже кони и пустил скупую слезу. От этой нелепой картины сокамерник рассмеялся ещё сильнее. – Ты чего, начальник? Курорт оказался не под стать вашей аристократичной персоне? А-ха-ха!

– Заткнись...

– Да что вы, господин. Погода подвела, право дело, но какой сервис! Скоро принесут основные блюда! Здесь и цыплёнок в мраморе, и свинина в водорослевом соусе. А на десерт изысканные кусочки соломы в посыпке из мокрого песка! – парень поднял с земли горсть сена и бросил в сторону Уоррена. Со стороны входа снова раздалось ржание солдат. К загону, где сидел бедолага в рубаше, подошёл Горлих и бросил ему кусок хлеба.

– Держи, шут, заработал. Мраморный цыплёнок, во даёт!

– Как вы смеете, где приборы? – выкрикнул пленник, затем с тоской посмотрел на краюшку и, поколебавшись, стал её грызть. – Хах... А тебя как звать-то, начальник?

– Уоррен, – он всё так же смотрел на упряжь и седло. – Уоррен Перч.

– Ну что, Уоррен, теперь мы с тобой на одной стороне. Но, помнишь, ты просил меня об услуге? У меня есть одна идея.

– Да?! – горечь улетучилась с лица, уступив место надежде.

– Ага! Ты потерял, лови, – пленник дотянулся босой ногой до трубки и одним ловким движением зашвырнул её в Уоррена. – Согрейся, дружище. Ночи у вас, конечно, тёплом не балуют.

– Эх... – Уоррен ногой подтянул трубку поближе, достал из грудного кармана свёрнутый листочек с табаком. Стряхнув влажный пепел, он набил трубку, огляделся и протяжно завыл. – Сол, за что мне всё это...

– Что, капитан, огоньку не хватает, да? Глядя на твоё озабоченное лицо, я на миг поверил в происходящее. Сказать честно, отец так много раз уже пытался выбить из меня дурь, что даже неделя в хлеву на севере Тефтонга не заставит меня передумать. Ну так что, услуга за услугу?

– Чего ты хочешь?

– Всё просто, я тебе огонёк в трубке организую, а ты мне расскажешь, где мы, и кто всё это подстроил?

– Мы находимся вблизи Ореола, самого удалённого города от столицы. Мой отец подстроил моё продвижение по службе, но, как видишь, не прошло и декады, как я оказался под одной крышей со своими лошадьми и тобой, недоносок. А теперь дай мне уже закурить, меня знобит.

– Ох, какой же ты слабак, начальник! Неинтересен мне твой отец, ты лучше расскажи, что знаешь о моём? Как он держал меня в отключке так долго, что я оказался на севере?

– Ты безумен, и, кажется, даже не догадываешься об этом. Ничего я о тебе не знаю, – бросил Уоррен и принялся стягивать наручники. Получалось скверно.

– Ха-ха-ха, – отрывисто посмеялся сокамерник. – У тебя такое отвращение на лице, что я охотно верю! Но, я привык, что на меня смотрят с завистью. И за артистичность выполню своё обещание. Только не забывай, мешок табака убивает лошадь. А они, вроде как, животные благородные.

Рукой, которой держал трубку, Уоррен почувствовал тепло. Тонкая струйка дыма, извиваясь ужом, поднималась от тлеющего табака:

– Твою же мать! – прошептал он в растерянности, давя в себе порыв отбросить трубку. – Еретическая магия...

– Хах, отец не жалел денег для моего обучения! – подмигнул парень. – Когда я был ещё в животе матери, вызвал магов из Ласкенты, чтоб те провели ритуал подготовки. Я хорош в обращении с огнём, этого не отнять!

Уоррен с открытым ртом таращился на тлеющий табак.

– Вижу, ты удивлён, хоть и знаешь, что я лорд. Честно сказать, твоего товарища с красной татуировкой на шее мои умения не так впечатлили.

– Ты показывал это Сурво? Солов идиот!

– А ты думал, кто поджёт повозку? Я! Вояки мне не поверили. Но могу поклясться, они меня боятся. Иначе зачем было поливать водой конюшню?

– Я приказал. Но о тебе не было и речи.

– Значит, этот твой Сурво ещё тупее, чем я думал, х-ха!

Капитан встал из лужи, выжал мокрое пятно на пятой точке и зашагал по загону, насколько это позволяла цепь на кандалах.

– Или умнее... Я боюсь представить, что старый пёс придумал, но уверяю, ничем хорошим твоя выходка не сулит. Сурво думает, я читал его досье, что мне подсунули здесь. Но я озаботился копиями на каждого подчинённого ещё в столице. У отца хорошие связи, и я нашёл его подлинное досье, со всей подноготной. Сурво двадцать лет служил в разведке, в группе специального назначения. Он шпионил, убивал, предавал. Но с приходом нового канцлера старого пса командировали сюда, с глаз долой.

– Ух, актёрище! Начальник, да ты талант! Я весь дрожу от страха!

– Помолчи, наконец. На краю Евстрая нет ни одного солдата, кто бы попал сюда по своей воле. Мне следовало бы вести себя с ними более уважительно...

– А ты хорошо выучил роль! Верховный главнокомандующий, канцлер, шпионы, убийцы, Евстрай какой-то! Я прям главный герой пьесы! Или целого романа! – не унимался незнакомец.

– Если бы я был Сурво, то уже строил тебе эшафот. А если ты ещё не понял, во что вляпался, или действительно сошёл с ума, так я тебе сейчас доходчиво объясню, что тебе вменяется.

– Я весь внимание! – ухмыляясь, парень махнул закованными руками.

– Первое – ересь. Приговор – смерть. Второе – неуважительное отношение к офицеру. Приговор – от порки до повешения. Третье – распространение ереси. Приговор – смерть на позорном столбе, если быть точнее – то на колу. Четвёртое – еретические ритуалы. Приговор – четвертование живьём. На моей памяти к такой смерти приговорили лишь одного альбоса. А может она и не альбос вовсе. Но так и не привели его к исполнению. Ведьма слишком далеко засела, но недолог час, жители Чакра сами привезут её нам. Сеть шпионов и разведка специального назначения уже работают над этим.

Нарушитель порядка прищурился и несколько минут недоверчиво рассматривал Уоррена:

– Ты определённо мне нравишься, начальник! Я чудом выжил после шторма, но мне всё ещё грозит смертельная опасность. Чудаковатые вояки в странной одежде и не менее странным оружием захватывают меня в плен и устраивают условия, в которых я не могу пользоваться магией. У тебя, случайно, нет пера? Это стоило бы записать!

– Ты идиот.

– Погоди, погоди, я понял! Потом приходишь ты. С виду мой ровесник, а называешься командиром гарнизона. И вот не прошло и дня, как ты мочишь зад в конюшне рядом со

мною. Родственная душа, такой же не понятый и обиженный.

– Нарциссичный идиот! – скалясь, прорычал Уоррен.

– Точно! Как и я! А теперь мы вдвоём должны выбраться из заточения. Конечно, у тебя по счастливой случайности окажется карта местности. Благодаря ей мы с лёгкостью за пару дней доберёмся до моего дома и вот уже у сына лорда есть друг, не разлей вода! Дай угадаю, а сейчас мы с тобой придумаем невероятный способ выбраться отсюда, правда?

– У тебя есть имя?

– Как ты смеешь?!

– Как тебя зовут?

– Меритас Ониет Дрезден, сын Ёрина Ониет Дрез...

– Хар-р-р! – Уоррен заглушил голос собеседника громко вдохнув воздух через нос и плюнул в его направлении смачным куском соплей. – Тьфу!

– Что ты творишь?! За такое отец сгноит тебя в одиночной камере! – завопил Меритас.

– Завтра ты сдохнешь, Меритас, сын Ёрина.

В конюшне надолго повисла неловкая пауза. Охранники у дверей не прекращали смеяться, но, похоже, разговор двух заключённых их давно не интересовал. Только кони, слегка пошаркивали копытами и отгоняли замёрзших мух вялыми ударами хвоста.

– Так, – Меритас нарушил тишину. – Как там тебя, неважно. Быстрее выкладывай свой план побега. Мне сейчас правда стало жутко. Не то чтобы я тебе поверил, переигрываешь местами, но поторопись, пожалуйста, сил согреться почти не осталось.

– План, говоришь? – задумался Уоррен. Его глубоко поразила выходка Сурво, но сейчас ум целиком занял полоумный собеседник. Уоррена вновь посещали противоречивые мысли, местами вдохновляющие, а местами уязвлённая совесть исполняла кульбиты, отчего крутил живот. Нужно срочно что-то придумать, ведь скоро начнётся новый цикл и тогда право хода перейдёт к Сурво.

Уоррен думал:

«Еретик, но не простой. Мог быть шпионом, но слишком много болтает. И зачем выдал себя? Может быть, действительно больной? Должен ли я спасти его от столба и показать духовникам? Их методы не столь гуманны, но любая жизнь ценна, а здесь дурачку недолго осталось. Возможно, он – мой билет в кабинет Верховного. Проклятый Сурво будет грызть локти!»

– Да, ты прав, молодой лорд. Я кое-что придумал, и ты мне в этом поможешь.

– Наконец-то! Я сразу тебя раскусил. И как мы сбежим?

– Для начала прекрати орать.

– Отлично, представляю себя шпионом!

– Кретин... – прошептал Уоррен. – Скажи, можешь ли ты здесь что-нибудь поджечь? Тогда нас переведут в другое место, и, возможно, мы сможем сбежать.

– Хм, – собеседник задумался. – Бестолку, здесь всё залито. А ещё я заметил, что в этой части Тефтонга ужасно мало энергии, приходится буквально по крупичкам её собирать, чтобы согреться.

Уоррен шлёпнул себя по лбу.

– Прискорбно. Но должна же от тебя быть хоть какая-то польза?

– Поглядите на него. Какой важный! Как петух на насесте, – Меритас закрыл глаза, на мгновение скорчил гримасу боли и аккуратно вытянул левую руку из кандалов. – А такое видел?

Уоррен с придыханием подался поближе к Меритасу:

– Как? Ка-ак?

– Любой предрасположенный к магии аристократ должен изучать материалы и их свойства. Энергия вездесуща, знания безграничны! Так говорил мой учитель, – паясничал Меритас.

– А меня сможешь освободить?

– Уф-ф, дай передохнуть. Буду с тобой честен, я потратил на это жизненную энергию, потому что другой здесь мало. Не очень много, но, чтобы нагреть железяку нужно постараться.

– Зачем ты её грел?

– А как ты думал я руку вынул? Кандалы при нагреве расширяются. Хотя кому я это говорю, вы вояки, магию воды от магии земли не отличите.

– Хорошо, до утра нас никто не тронет, но лучше бы тебе поторопиться. И съешь хлеб, что кинул Горлих, лишним не будет.***

Пока Меритас сосредотачивался на нагреве наручников, охранники задремали. Снаружи доносился храп лейтенанта и редкое свистящее ворчание рядового Сайласа.

В глазах Меритаса танцевала озорная искорка:

– Что теперь, начальник?

– Умеешь ездить верхом?

– На лошади? – поднял бровь Меритас.

– Нет, на дельфине, солов ты идиот!

– Тс-с начальник, нас же услышат. Мы шпионы, помнишь?

– Горлих спит, а Сайлас тугой на уши. Так что?

– Нет, я всю жизнь ездил в экипаже на мягких подушках... Да и не на лошадях вовсе.

– Тогда просто прижмёшься крепче к шее и главное – держись. Мои лошадки из одного выводка, куда бежит первая, туда пойдёт и вторая.

Уоррен стряхнул с себя солому, размял покрасневшие ожоги на запястьях и, аккуратно приоткрыв калитку загона, подошёл к лошади:

– Ты готов?

– Думаю, стоит дождаться ночи. В темноте нам будет легче скрыться от погони! – заговорщическим голосом сказал Меритас.

– Чего дождаться? У меня нет часов, но мы сидим здесь целую вечность. Скоро утро и Горлих проснётся!

Меритас покрутил головой, рассматривая лучи света, проникающие сквозь прорехи в соломенной крыше. Немой вопрос на его лице выражал полную растерянность:

– Светло как днём... Что за Версовы происки! На севере всегда так?

С улицы донёсся звук въезжающего экипажа кареты. За пару мгновений тихий двор заполнили голоса и тяжёлое, прерывистое дыхание запряжённых лошадей. Уоррен прижался к стене, разглядывая происходящее через щели в досках:

– И кто к нам пожаловал? – недовольно прошипел он. – Откуда здесь прелатские ищейки?

– Кто это?

– Твою мать, с ними Сурво! Они приехали за тобой. Мы опоздали!

Капитан, отпрянув от стены, забросил седло на ближайшую лошадь, но застёжки никак не поддавались. До того как солдаты узнают, что узники свободно разгуливают без

наручников, оставались считанные мгновения. Сурво, выпрыгнул из кареты и быстрым шагом приближался к конюшне. Ругательства в адрес спящего постового были слышны уже в полных подробностях, когда Меритас вскочил на одного из коней, на ходу срывая с калитки упряжь:

– Запрыгивай, это наш шанс!

Уоррен успел лишь кивнуть и сглотнул подступивший к горлу ком. Подошедший к входу Сурво перевёл яростный взгляд с рядового Сайласа на глупо улыбающегося Меритаса. Тот выпучил глаза, наклонился поближе к уху лошади и глядя прямо в ошеломлённые глаза Сурво во всю глотку заорал. Лошадь, и без того недовольная ездой без седла, рванула вперёд, откинув Сурво в кучу навоза. Выбежав во двор, гнедая стала гарцевать, как на параде, извиваясь и подпрыгивая, стараясь скинуть с наездника.

– На кол кобылу, парень мне нужен живым! – хрипя от злости, выдавил Сурво, пытаясь перекричать безумные вопли Меритаса, но услышать его мог только Сайлас, если бы не страдал от глухоты. Шестеро солдат с пиками наперевес аккуратно обступали ретивую лошадь со всех сторон, пытаясь прижать её к казарме. Никто не хотел попасть под копыта.

– А-а-а! О-о-у! – сквозь слёзы верещал Меритас, мысленно проклиная свою выходку и копушу Уоррена одновременно. Молодой капитан всё ещё не показался из конюшни.

– Схватить его, – прозвучал спокойный, уверенный голос с лёгкой хрипотцой. Его обладатель, держась за руку помощника, спускался из кареты. Солдаты переглянулись и, уперев древко копья в землю, приготовились колоть. Меритас зажмурился, стараясь удержаться верхом и случайно ударил кобыле в бок ногой. Та встала на дыбы, и в этот момент на хвост лошади упала яркая искорка пламени. Сухой конский волос вспыхнул мгновенно, и обезумевшая кобыла с диким ржанием ломанулась вперёд. Пара солдат, чьи характеристики в личном досье имели пункты: «Излишняя впечатлительность» бросили пики и с криками: «Ведьмино отродье» и «Слуга огня!» попятившись бросились наутёк.

– Отставить приказ! – Уоррен с пафосным криком выехал, наконец, из конюшни и направил коня в спины обступающих Меритаса воинов. Оставшиеся четверо бедолаг обернулись на детский голос капитана, отчего замешкались и были сбиты с ног огнехвостым чудовищем. Лошадь пробежала круглый двор заставы по дуге и выскочила за забор мимо часовых, с открытым ртом наблюдающих за ярким огненным представлением. Уоррен направил скакуна следом. Кивнув на выезде растерянным солдатам, он крикнул:

– Я его догоню! – и посильнее прищпорил коня.

Сходящая с ума от боли лошадь Меритаса летела стрелой, не обращая внимания на колючки и кусты. Большую часть неплодородной степи покрывали выцветшая трава и редкий сухостой. Уоррен благодарил Сола за то, что лошадка Меритаса мчалась в центр острова, где на горизонте зеленел лес. Догнать узника сразу капитан не надеялся, а потому каждые пятнадцать минут сбавлял темп галопа, чтобы осмотреться и убедиться, что погони нет. В пыли отчётливо виднелись следы подков, и Уоррен с лёгкостью определял, куда ускакал молодой лорд. И вскоре нашёл его без сознания в траве у опушки хвойного леса. Шагах в пятидесяти, беспокойно виляя головой, гарцевала покрытая сажей лошадь. Волосы на хвосте сгорели, открыв взору капитана маленький чёрный отросток. Парень невольно зажмурился и подавил в себе приступ тошноты. Он заметил, что на уголке губ Меритаса запеклась капля крови, но подходить к нему не спешил. Судьба обгоревшей лошади беспокоила куда больше, чем жизнь выскочки Меритаса. Уоррен шмыгнув носом, повернул лошадь в сторону Ореола и звонким шлепком заставил её пуститься в неуправляемый галоп.

– Надеюсь, ты найдёшь дорогу до Ореола и о тебе позаботятся, – сказал он.

Когда пыль из-под копыт бедной гнедой осела, Уоррен вернулся к Меритасу. Пошлёпав того по лицу, принялся осматривать раны. На затылке у него оказалась пара мелких ссадин и одна небольшая рана с запёкшейся кровью. Пока Уоррен оттирал не до конца запёкшуюся кровь с головы Меритаса мокрым подолом мундира тот пришёл в себя:

– О-о-ох, начальник! Ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

– Это ты поджжёг хвост? – не дрогнув ни одним мускулом, спросил капитан.

– Не знал, что ты так любишь животных, – простонал Меритас.

– Зачем?

– Испугался! Меня обступили те ребята с острыми штуками! Да и ты не спешил на помощь.

– Зачем причинил боль животному?

– Спасался, вот зачем! Не тебе меня судить, вояка! Плевать на эту лошадь, что с ней будет? Важнее, что мы сбежали!

Прикрыв глаза рукой, Уоррен промолчал, вставая с корточек.

– Так и какой у нас план, Уоррен? Как именно мы с лёгкостью доберёмся до дома?

– Очень просто, мой лорд, – процедил тот, всматриваясь в чашу. – Трое суток на юго-запад через лес, чтобы не было погони, и мы выйдем к монастырю. Там о тебе позаботятся, Меритас, сын Ёрина.

– Так-то лучше! Кстати, начальник, раз уж мы теперь друзья, так и быть, зови меня Мерик.

Глава 7. Кадисса. Слепая удача

«Лишь тот из вас кто, тренируясь, не даёт земле под собой просохнуть от пота – будет иметь шанс умереть с достоинством»

Дорон, вождь клана Досуа

Палящий оранжевый шар, что именуется на Тефтонге как Фолио, на Игнфтонге зовётся Замуи Чарракш. В переводе это значит «Звёздная усыпальница живущего в вулкане». Он тенью очерчивал спортивное телосложение девушки, рисуя её гораздо выше собственного роста. Кадисса была благодарна ему за комплимент, но знала, ещё часов и из обходительного кавалера он превратится в жестокого тирана. На Игнфтонге Замуи заходил за горизонт лишь ненадолго, а потому племена, привыкшие к короткому сну и невыносимой жаре, всегда были уверены, что их предки смотрят на них с неба. Да, сверху вниз, но никогда с презрением. Если ты выжил в пустыне, то достоин уважения.

Захватив максимум полезного из седельных сумок Кайсата, Кадисса сложила свой скарб в импровизированный вещмешок из накидки. Связала рукава так, что получилась неплохая сумка, и, прокинув её через плечо, побежала в сторону гряды пика Гира.

Во время бега она буквально медитировала и вспоминала. Вспоминала, как красив и величественен пик Гира издалека. Как ещё подростком совершала первые походы с отрядом к тонкому перевалу в горной гряде. Память – интересная способность, никогда не знаешь, какое из воспоминаний оно подкинет. За воспоминания о юности и отрочестве Кадисса вспомнила и глубокое детство.

Отец в то время совершил немыслимое: сплотил большинство кочевых племён Игнфтонга, отговорив их кровожадных лидеров от вторжения на материк. Объединённые силы тринадцати племён называли клан Досуа, в переводе: «Доверие». А во главе его выступил мудрый Дорон, отец Кадиссы, игниец с большим сердцем и не менее крупных размеров кулаками. Экономика Игнфтонга, – да-да, игнийцам пришлось выучить и это слово, – пошла в гору, когда с умом сформированные отряды стали охотиться на потрясающих своей силой и размерами чудовищ. Принесённые с охоты гемы с лихвой компенсировали недовольства многих жадных до крови соседей игнийцев. Именно тогда, налаживая взаимодействия с внешним миром, отец проводил слишком много времени вне семейного шатра, а часто и вне родного полуострова. Именно тогда мама Кадиссы заболела, а вскоре ушла в отшельничество, как делали все уважающие себя воины, чтобы в одиночестве принять смерть. Дорон стоически перенёс удар судьбы и, казалось, даже не скучал по супруге, всё больше погружаясь в работу.

Кадисса приоткрыла глазную повязку, чтобы унять внезапно возникший зуд. После очередной раз приложила усилие, чтобы приоткрыть уцелевший глаз, но делать это становилось всё больней. Она знала один действенный способ избавиться от губительных для воина сантиментов, а заодно и боли – хорошенько разозлиться.

– Каррешик твою родню, Искол! – стиснув зубы произнесла Кадисса сквозь слёзы. – О, ты заплатишься, предатель, карс шаррах! Я обещаю, ты будешь страдать, версов змей!

Поднятые редкими в этой части материка ветрами, по пустыне летали пыль и песок. И всё это липло к покрытой испариной смуглой коже. Кадисса натянула на нос кусок ткани, напоминающий платок, часто носимый жителями пустыни на шее, и прибавила скорость.

Злость на ученика шамана вспыхнула ярко и быстро погасла, душевное равновесие покачнули закравшиеся мысли о Кайсате. Тело верного варана, оставленное на съедение падальщикам, маячило в воображении.

«Я отомщу за тебя, друг! Но остаться не могу. Иначе вскоре хоронить пришлось бы и меня», – подумала Кадисса. Разведчице было противно от столь мелочных утешений. Не злость, но боль переполняли её сердце, и она попробовала зажечь внутреннюю искру снова:

– Проклятый шаман! Проклятый всплеск! Я должна быть дома, рядом с отцом и племенем! – трусца уже плавно переходила в лёгкий бег. – Кто вообще мог устроить нечто, уловимое на другом конце континента?! Чушь!

Спустя несколько часов бега на пустой желудок, кишечник начал крутить, а голова заметно потяжелела. Вековая пустыня и светило превращали движение в пытку. При каждом вдохе Кадисса представляла, что пьёт жидкий огонь. В ушах отдавались учащённые удары сердца.

Прижав платок к макушке, Кадисса перекинула сумку на другое плечо и запричитала:

– Агрх, нич-чего не вижу! – раньше глаз открывался хотя бы на мгновение, чтобы можно было увидеть пик Гира на фоне голубого неба. Теперь же, заплывший гноем и порядком опухший, глаз не давал исправно корректировать курс. Стекающий со лба пот пропитал глазную повязку, солёные капли только усиливали зуд. Стиснув зубы, девушка продолжала шагать, на ходу поправляя взмокшую, натирающую одежду и бельё. Привычные к тяжёлым физическим нагрузкам ноги пружинили, но стопы в ездовых сапогах зудели и сушили огромные мозоли.

«Нужно переждать полдень. Найти тень. Сделать остановку», – мысль ощущалась тем яснее, чем сильнее Замуи напекал с неба открытые участки кожи, но где-то на задворках сознания, Кадисса понимала, что ждать придётся долго. Она столько не протянет. Восприятие окружающего мира с помощью внутреннего зрения сильно искажало картину вокруг. Наметить курс к ближайшим островкам тени, отбрасываемым скоплениями камней, было невозможно. Разобрать в месиве энергии ветра и песка получалось не дальше сотни шагов.

Спустя ещё полчаса девушка упала на колени. В порыве ярости и отчаяния она крикнула настолько громко, насколько позволила ей пересохшая глотка:

– Проклятье! Шар-р-рах Карс! – нащупав флягу, Кадисса взвесила её в руке. Почти вся вода ушла на промывание глаза, но это не сильно помогло. – Какая ирония, верса тебя возьми!

Несколько одиноких капель всё ещё оставались внутри. Жадно ловя пересохшим языком каждую из них, Кадисса сделала единственный глоток, и с дюжину вдохов безуспешно трясла пустым сосудом над открытым ртом.

– Нет уж! Я здесь не сдохну! – со злостью бросив фляжку, прорычала она. – Только не так!

С трудом поднявшись она заставила себя двигаться.

– Вперёд! Вперёд, Ди, ещё ничего не кончено! – тело повиновалось её силе воли и вновь перешло на лёгкий бег. Она даже попыталась приоткрыть глаз, но на ощупь между веком и бровью была одна большая опухоль. Боль пронзила висок, и девушка бросила попытки посмотреть на мир незамутнённым взглядом.

– Огонь ведь не может застыть там, где зародился, верно? – успокаивала себя, стиснув зубы, и бежала вперёд, хотя давно уже не была уверена в направлении. Ущелье осталось

позади, а значит, до пика Гира не так уж и далеко. Спустя час недавно потушенный пожар во рту разгорелся с новой силой. Ветер вроде бы поутих, и видимость заметно возросла.

«Шаманы говорят, что видят воду издалека», – Кадисса вспоминала рассказы отца на ночь, пока была ещё малюткой. – «Если заметил отблеск голубой ауры на горизонте, значит, спасён. Все могут видеть ауру, нужно лишь практиковаться. Как с молотом!»

Она – лучшая из разведчиков клана Досуа. Для неё найти воду в пустыне, всё равно что завалить песчаного камнебрюха, – сложно, но если знать пару уловок – справится и ребёнок. Кадисса сосредоточилась на изучении горизонта в поиске чего-нибудь голубого, синего, или, на худой конец зелёного. Бурые следы песка, пыли и камней смешивались воедино без намёка на воду. В голове ментально появился образ Кайсата, что находил даже скрытые песком источники воды. Прекрасные животные – вараны.

Провалившись в пучину воспоминаний, и не без труда заметив вдалеке приближающееся красное энергетическое пятно, Кадисса сначала очень обрадовалась. Но вовремя смекнув, что оазисы не имеют свойства бегать за жаждущими, да и цвет не подходящий, сменила направление и постаралась увеличить отрыв.

– Надеюсь, не заметят, – сказала она с надеждой, продолжая двигаться вперёд, и поглядывала в сторону пятна, пока оно не разделилось на несколько более мелких. «Иглошёрстные?! Только вас-то мне и не хватало!» – подумала воительница, услышав противное тьяканье и интуитивно достала из ножен кинжал. Собакообразные хищники, тихо рыча окружили разведчицу, стараясь находиться на безопасном расстоянии.

– Я ещё жива! Прочь! – закричала Кадисса и испугалась собственного сорванного голоса. – Убирайтесь, версовы падальщики!

В ответ на крик псы залаяли наперебой. Кадисса скинула с себя сумку, отцепила с оружейной повязки молот и, просунув руку в темляк, приготовилась защищаться. Звери не спешили нападать, но это обман, очевидно, что первый удар обязательно будет нанесён сзади – падальщики не привыкли сражаться честно. Поэтому Кадисса старалась крутиться на месте как можно быстрее отгоняя клыкастых тварей. Она не боялась трусливых псов, но всё же ещё никогда не дралась с ними вслепую.

Расплывчатые очертания хищников медленно приближались, выискивая момент для атаки. Мелкие острые зубы в пасти одной из тварей стали отчётливо различимы, когда Кадисса услышала шорох движения сзади. Падальщик сорвался с места и прыгнул. Понимая, что не успеет повернуться, Кадисса нырнула в единственный крупный просвет между окружившими её животными. Перекатившись после приземления она с громким выдохом: «Х-ха» махнула молотом в сторону псов, но не попала. На том месте, где только что стояла Кадисса, неуклюже приземлился падальщик, и, клаца зубами, напал снова. Рядом топтался другой падальщик, скалясь и рыча, он отвлекал жертву, боясь подойти ближе, и ждал, когда собрат нанесёт удар в спину. Кадисса ухмыльнулась, принимая игру. Она показательно повернулась боком к первому, делая вид, что не видит опасности. Псов это лишь раззадорило.

Кадисса замахнулась молотом, показывая, что проглотила приманку, но пёс тут же трусливо отскочил назад. Тогда Кадисса отпустила рукоять, расправив пальцы как можно шире. Молот повил на темляке и стал неконтролируемо падать, в этот момент Кадисса резко развернулась, крутанула рукой в плече, придавая молоту инерции, и присела. Боевое оружие, описав в воздухе кривой полумесяц, приземлилось аккуратно на череп подскокившей собаки. Внутренности черепной коробки склизким багровым дождём брызнули на песок, оросив и

псов, и разведчицу.

Твари поняли, что поодиночке нападать бессмысленно, и атаковали одновременно. Кадисса прижалась к земле, пропуская над собой прыгнувшего пса, и стиснула зубы в зверином оскале, когда второй укусил её за сапог. Пришлось развернуться на спину и пнуть зверя ногой. Тут Кадисса совершила первую ошибку. Опершись на левую руку, в которой держала кинжал, она на вдох лишила себя защиты, за что мгновенно поплатилась. Справа на неё налетел падальщик, и она попыталась встретить врага поднятым молотом, но оправившийся от удара ногой пёс уже впился в её левую руку.

– Шаррах! – прорычала она сквозь зубы и повалилась на землю, выронив кинжал. – Безмозглые твари!

Псы так не считали и перестали лаять перед каждой атакой, смекнув, что жертва их не видит. Быстро учатся.

Зверю, вцепившемуся за запястье, Кадисса пробила висок молотом и приподнялась, осев на одно колено. Падальщик, скуля и поджав хвост, сделал пару шагов назад, но покачнулся и упал набок. Оставшиеся твари не издавали ни звука, кроме едва уловимого шарканья мерных шагов. Кадисса прижала левую руку к животу и почувствовала горячую кровь. Кадисса взмолилась великому вулкану, чтобы это была кровь падальщика, но кисть предательски отказывалась сжиматься в кулак. Свирепо зарывчав, она раскрутила молот на запястье и попятилась назад. Держать оба пятна в поле внутреннего зрения не вышло, – его радиус гораздо уже обычного зрения, – из-за чего разведчица, брызжа слюной, крутилась на месте словно юла.

«Нельзя рисковать, жди атаки», – всплыли в голове наставления отца, но звери, словно сговорившись, ходили вокруг Кадиссы друг напротив друга, и от этого по телу пробежали мурашки. Слух стал подводить, напряжение било по вискам, левая ладонь уже висела плетью и ощущалась неподъёмной. Каждый миг смертельного танца высасывал последние силы, а хищники быстро меняли позиции заставляя Кадиссу безостановочно разворачиваться и пятиться. Она поймала себя на мысли, что уже не различает ободранных хвостов, а энергетические пятна стали размазанными кляксами на выцветшем от палящего солнца холсте. Голова кружилась. Она чувствовала, что к ногам будто привязали кандалы. Ступни, нет-нет, да заступали друг за друга, представляя не иллюзорный шанс споткнуться, упасть и подставить шею под острые клыки тварей.

В один миг всё стало кристально ясно. Она будто увидела этот мир так чётно, как не видела никогда, даже имея два глаза.

– А нечем мне больше рисковать... – меланхолично усмехнулась Кадисса. Страх покинул тело, уступая место безразличию, но она не собиралась разменивать жизнь так дёшево. Заметила, что одна тварь приближается к маленькому тёмному силуэту, одиноко лежащему на земле. Кинжал! Раскручивая молот в последний раз, Кадисса тихо сказала: – Вы пойдёте со мной, пёсики!

Издав дикий рык: «Шаррах!», она рванула к одному из псов, метя чуть левее и беря упреждение. Она понимала, что собака отскочит назад, а потому, резко остановившись, метнула в него молот на опережение. Хруст рёбер стал усладой для слуха, но мешкать было нельзя. Оставаясь безоружной, Кадисса стала шарить руками по песку, разыскивая кинжал. Сзади снова послышался шорох лап, но теперь уже реакции хватило лишь на то, чтобы сгруппироваться и не повалиться на землю от удара пса. Хищник впился в открытое плечо и стал с остервенением рвать смуглую кожу.

– А-а-а! – завопила воительница. Если бы её глаза были целы, то, вполне возможно, вылезли бы из орбит. Обхватив падальщика за иглошёрстную холку свободной рукой, Кадисса упала на спину, припечатав его весом собственного тела. Пёс быстро пришёл в себя, вырвался и встал на лапы. Но этого хватило, чтобы успеть почувствовать пятой точкой кинжал и дотянуться до него здоровой рукой. Помедлив секунду в ожидании атаки, разведчица крикнула:

– Отправляйся к версе, тварь!

Падальщик не заметил опасности и, клацая зубами, потянулся жертве, чтобы завершить начатое. Тогда Кадисса всадила заточенное каменное лезвие в его шею. Кинжал нашёл цель, кровожадно чавкнув. Кровь хлынула ручьём, пустынный пёс так и не понял, что произошло, и повалился на землю, в агонии дёргая лапами. Фонтан горячей, шипящей на высохшей земле крови, забрызгал Кадиссе лицо. Только тогда она с удовольствием позволила телу расслабиться и, рвано дыша, запрокинула голову. Открыв рот, она поймала пару капель солёной жидкости, облизнула губы и умиротворённо улыбнулась. Сознание покидало её, а боль отступила на задний план, уступая место мыслям о родителях, наставниках, собратях по клану, и, конечно, о единственном верном друге Кайсате, который наверняка уже отдал душу Элларии.

– Встретимся на Замуи, дорогой друг, – губы Кадиссы двигались, не издавая ни звука, но это было неважно. Никто не мог услышать её шёпот посреди пустыни.

В её перевозбуждённом сознании возник размытый образ двух человек в капюшонах и мантиях, сидящих возле костра. Где они находятся, Кадисса не понимала, но с трудом разобрала в треске пламени тихие слова.

***

– Решил поиграть в бога, сын?

– А разве это плохо?

– Гресишь изменить мир, но лишь приближаешь его конец.

– Разве можно уничтожить мир, слегка изменив чей-то маршрут?

– Ты и впрямь дурак, Эмпириан, – старик подбросил полено в костёр и поправил мантию, будто бы боялся простыть. – Я на добрых полвека дольше тебя заперт здесь. Пытаюсь найти хотя бы один из миллиардов исходов, при котором всё закончилось бы менее прозаично. И тут явился ты! Думаешь, что понимаешь всё лучше отца?!

– Значит, по-твоему, лучше вообще ничего не делать? Сидеть здесь и наблюдать? И это слова, мага, что прожил на свете дольше всех?

– Я рассказал тебе всё. И поверь, выяснить это стоило мне огромных усилий.

– Отец, при всём уважении, я попал в Миахару не случайно!

– Миахара... – Преоритан говорил тихо и неразборчиво. – Здесь всё не то, чем кажется...

– Если у нас есть возможность хоть как-то повлиять на судьбу Элларии, то давай хоть попробуем?! – продолжал Эмпириан.

– Бездумно влияя на чужую судьбу, ты с равной вероятностью можешь как помочь, так и приблизить его гибель. А этому миру и так осталось недолго... – мужчина опустил глаза, скрывая их за копной седых волос. – Нам нужно больше информации... Нужно понять...

– И как долго ты будешь бездействовать, отец?!

– Сколько потребуется, чтобы изучить влияние каждой переменной.

– Типичные слова архимага. Поэтому я и покинул Ласкенту. Хорошо, но я всё же

попытаюсь, а ты постарайся мне не мешать.

– И что же ты намерен делать, а? Создашь армию инвалидов? – рассмеялся старший маг. – Откуда у тебя такое желание помогать калекам? Безглазая девчонка хотя бы умеет драться, а бледнокожий грешник от рождения не может управлять энергией. Отличный выбор, сынок!

– Они выделяются среди остальных тем, что их будущее размыто. С определённого момента я просто перестаю видеть линии их судьбы, – задумчиво глядя в звёздное небо, сказал Эмпириан. – Хм... Если будущее не определено... Мы должны попытаться!

– Если кто-то и сможет помочь этому миру, так это высшие маги академии! Только они, собравшись вместе смогут, как ты говоришь, попытаться! – ударив посохом по земле, выпалил старший маг. – Все остальные – мусор! А ты – лишь глупый мальчишка, раз дал женщине себя обмануть!

– Отец... эта музыка, она... – Эмпириан начал было оправдываться, но был грубо прерван.

– Тьфу! Белый лебедь отыскался! Любимая-любимая! – вставая с поваленного дерева, гневно бросил Преоритан.

– Прошу, отец, мы сейчас не о том...

– Разговор окончен. И послушай мой совет – прекращай играть с чужими жизнями. Свою ты проиграл бездарно, – сказал старший маг и растворился в темноте ночного леса.

Эмпириан закатил глаза, запрокинул голову и, глядя в звёздное небо, прошептал:

– Давай, хороший мальчик, не подведи меня.

Интерлюдия. Кадисса. Худший друг игнийца

– Если он не прекратит трубить, я встану! Ох, встану! И засуну этот проклятый рог ему в задницу! Ша-ар-рах! – гордый бородатый игниец сидел в тени центрального шатра и камнем стачивал вьевшуюся грязь с большого старого молота. Оружие он получил от прежнего вождя своего старого племени, но то было давно, и выдавшая лучшие времена кувалда пережила уже немало перековок. С годами, лоскуты грубой чёрной кожи виверны, опоясывающие рукоять, стёрлись до блеска и местами порвались.

– Дядь Шен, а вдруг там правда что-то случилось?

Почесав длинный шрам на голени, мужчина задумался. Времена его былой славы уже давно прошли, но опытный воин ценился здесь, на южном полуострове, гораздо больше, чем желторотые юнцы. Пользуясь авторитетом, он хотел отговорить напарницу:

– Не выдумывай, Дисса. Каждый раз, стоит Дорону вывести клан на учения, меня оставляют стеречь его шатёр, а версова Нейла ставят на ворота. Поверь моему слову, старый хрыч снова испытывает моё терпение!

– Дядя, но вдруг на нас напали?!

– И каждый раз я, спотыкаясь, бегу ему на помощь. А он падает на землю, смеясь, как иглошёрстная собака, и вопит: «Волки, волки! На меня напали волки!» Тьфу! Сейчас я не в настроении.

– Разреши мне сходить посмотреть? Возможно, если прибегу я, Нейл не станет больше отвлекать нас от службы? К тому же если на нас действительно напали, хорошо бы отправить гонца к месту проведения учений.

– Девочка, Дорон с армией максимум в дне марша от ставки. Никто не смог бы пройти мимо его отряда разведки. Мы здесь ради отдыха, а не защиты. Меня уже поздно муштровать, а тебя отец поощрил за хороший улов в походе на киллиозавра.

Кадисса потёрла ушибленный бок:

– Да уж... Свирепая зверюга!

– Хороший вы привезли гребень, кстати! Свежий, упругий, здоровенный! Слышал, шаманы хотят сделать из него какой-то паралан или параплан.

– Дядь Шен, и всё же мне беспокойно. Вы можете остаться здесь, а я всё же схожу, проверю, почему на посту трубили. Если услышу звук драки дам знать.

– Э-э, иди, конечно, но не сердчай на Нейла за шутки. Мы воевали бок о бок столько лет, что я не могу держать зла на старого змея, – Шен вскинул подбородок и погрузился в воспоминания. – Вот был случай, когда мы ходили на василиска... или то была виверна...

Стараясь не шуметь, Кадисса отошла от говорливого воина и решила пробежаться по опустевшему лагерю, чтобы немного размяться. На спине ощущалась тяжесть старого отцовского двуручного молота. Он уже давно был ему слишком мал, но Кадиссе подошёл в самый раз. По крайней мере, гордость мешала ей показывать, что тот тяжеловат для девушки. Пробегая мимо маленького шатра, она заметила мальчика и девочку, играющих в салки и с улыбкой помахала им. Их мать стояла под навесом и смотрела в сторону, откуда доносился звук рога. Заметив пробегающую Кадиссу, она загнала детишек внутрь.

На стене уже стояли несколько караульных, прибежавших на зов.

– Что происходит? – спросила Кадисса, поднимаясь на каменную стену форта.

– Что-то очень странное. Кх-р. О, дочь вождя? Не ожидал тебя здесь увидеть. Кхр-р, –

грубым басом отозвался постовой и вернулся к созерцанию происходящего на горизонте. – Кажется, это волки.

– Это ведь просто шутка, да?

Постовой хмыкнул и протянул короткую подзорную трубу с двумя затёртыми линзами. Воительница почти сразу выхватила на горизонте клуб пыли.

– Видишь, резвятся? Хрр-р, – Нейл прочистил горло и продолжил. – Сначала бежали бок о бок, теперь вот грызутся, но играючи.

Через мутные линзы было сложно рассмотреть детали, и Кадисса, отдав трубу назад, выпрямила руку, прищурила один глаз и взглянула на зверей поверх поднятого большого пальца.

– Вот так вымахали, зверюги! А шерсть, кажется, голубая! – воскликнул молодой игниец, что держал рог.

– Тебе не кажется. Но их всего двое. Ничего такого, с чем мы бы не справились, – спокойно ответила воительница. – Вызовите подкрепление с восточной стены. Я схожу за верёвкой и приведу помощь.

– В тебе течёт кровь отца, Дисса! Настоящий вождь, настоящее пламя! Кх-хр, – улыбнувшись и погладив усы ей ответил седой Нейл. – Но мы и сами знаем, что делать. Пойди лучше пробегись по лагерю, скажи женщинам и детям – пусть спрячутся поближе к центру.

– Волки не люди, беззащитных не трогают, – хмуро опустив подёрнутый носик, ответила Кадисса. Не смея послушаться старшего, она спрыгнула со стены. Почувствовав на себе взгляды караульных, вильнула бёдрами и скрылась за палатками.

***

Оббежав лагерь и предупредив игниек о возможной опасности, Кадисса попросила всех матерей отвести детей в просторную палатку, служившую казармой. Он располагался возле главного шатра, в самом сердце ставки клана.

«Центр лагеря самое безопасное место, к тому же там будет дядя Шен», – подумала она, после чего поспешила вернуться на свой пост у главного шатра.

Престарелый брюзга тем временем уже примерил на себя роль няньки. Хватаясь за лысую голову, он места себе не находил и, издали завидев Кадиссу, бросился с расспросами:

– О чём все твердят? Какие ещё волки? Чего вы испугались?

– Дозорные заметили на горизонте двух крупных волков. Они не агрессивны, но перестраховаться не помешает.

– Двух волков?! – прокричал пожилой воин. – Ты весь лагерь на уши подняла из-за двух клыкастых?! Ты сдурела, девка!

Кадисса сделала вид, что не обратила внимания на оскорбление, но подпустила в голос холода:

– На весь гарнизон не наберётся и пары дюжин бойцов. Почти все, кто умеет держать молоты, сейчас разминаются на учениях. Нужно быть начеку.

Шен поднял свой молот, сдул с него пылинки и, брызжа слюной, проорал:

– В былые времена я в одиночку убил троих волков. Одним из них был вожаком стаи! Тебе бы поучиться драться да самой выйти на них, а не бегать по ставке, распугивая детей!

– Мне приходилось встречаться в походах с серыми. Они немногим сильнее падальщика.

Но эти – голубошёрстные. Отец рассказывал мне на ночь сказки о голубых волках. Я бы не хотела с ними драться.

У собеседника при упоминании голубого волка вдруг забегали глаза и на предплечьях проступили вены от усилия, с которым тот впился в оружие:

– Г-голубые волчата, говоришь? Шаррах... – мужчина потупил взгляд в пол, размышляя и теребя бороду. – Сказки о них не врут. Насколько мне известно, исключительно из слухов, конечно, они разумны.

– Отец пел что-то о братьях. Один во время песчаной бури набрёл на логово голубых волков. Он спас умирающего от жажды щенка, а вожак стаи разрешил переждать бурю. Парня даже отблагодарили: подарили волшебную шерсть, из которой тот сделал уникальный плащ. Он защищал владельца от снарядов и магии лучше любого щита. А его старший брат, узнав об этом, отправился напрямиком дом к волкам и стал требовать даров, да ещё больше. Вот только лишь злой рык был ему ответом. Схватившись за молот, старший брат хотел проучить жадных животных, но вожак опередил его. Молниеносным ударом перекусив пополам как сухую тростинку...

Кадисса с восхищением вспоминала всё новые подробности сказки, но Шен грубо перебил её:

– Ты брось болтать, Дисса, авось там твои соратники уже гибнут в сражении с тварями! Беги-ка на выручку!

– Да, вы правы, дядя. Надеюсь, что вы присмотрите за детишками. И разбудите шамана, старик совсем ничего не слышит.

– Об-бязательно... Но сначала сбегая к себе. Нужно кое-что найти в сундуке... Верёвка, да, нам нужно будет обездвиживать клыкастых чудовищ!

– Ну хорошо, я забегу на северную стену и позову ребят вам на помощь. А с вас тогда верёвка.

– Да-да-да! Отличная идея, моя девочка! Беги скорее! – не оборачиваясь на воительницу, шустро удаляясь, кричал бородач. – Скоро буду!

***

«Если у ворот потребуется помощь, я услышу рог, но расслабляться некогда», – подумала Кадисса и отправилась в направлении северной стены. Стена была невысока и построена из дерева. Частокол не мог выдержать никакой осады, да и, по сути, ни от кого не защищал. Прямо за ней благоухала большая отхожая яма, а за той начиналась тонкая рваная тропинка, вплотную прилегающая к скалистому обрыву. Скользкие уступы, покрытые мхом и острые камни ждали юных игнийцев на трассе под названием «Затмение». С одной её стороны – горячие чёрные камни, а с другой – холодный бушующий океан. Пройти здесь по собственному желанию решится лишь умалишённый. Молодые сыны и дочери клана Досуа по достижению совершеннолетия обязаны пройти естественную полосу препятствий на время. А «Затмением» её называли, потому что забег стартовал, как только Замуи зайдёт за горизонт. Каждый, кто хочет иметь право называть себя игнийцем, проходят подобные испытания, доказывая, что достаточно ловок и вынослив. Лишнее подтверждение готовности воинов к тяжёлым походам и свирепым монстрам. Очевидно, что никто не ожидал нападения врага со стороны смертельно ловушек.

– Парни, спускайтесь! В лагере может потребоваться помощь! – крикнула Кадисса двум стражникам, изучающим горизонт. – Эй?! Вы двое! Слышите?

Оба караульных стояли спиной к девушке и заворожённо покачивались из стороны в сторону. Ни один мускул не дрогнул, когда Кадисса позвала их. Тогда она, недолго думая, схватилась руками за постамент, на котором они стояли и одним упругим маховым движением подтянулась, выпрыгнула вверх и встала на доски.

– Что с тобой?! – грубо толкнув одного паренька в плечо, она нашла глазами его взгляд. Тот тряхнул головой, прогоняя наваждение и сфокусировав взгляд на Кадиссе громко выдохнул:

– А-а! Ты чего подкрадываешься? Зашибу же!

– Хватить пялиться на помои, помоги Шену у штабного шатра!

– Что? А, да? Конечно-конечно. Извини. Там что-то мерцает в тени, я засмотрелся, – парень указал в сторону «Затмения» и вновь прищурился.

– Мерцает? – переспросила Кадисса, недоверчиво глядя в сторону тропы, и от ошеломления подпрыгнула на месте. – Карс Шаррах!

На подходе к выгребной яме стояла огромная волчица высотой в холке никак не меньше взрослого человека. Её яркие голубые глаза, плавно перемещаясь из стороны в сторону, оставляли расплывающийся синий шлейф. А блестящая золотом в лучах Фолио голубая шерсть преломляла свет и размывала очертания её туловища. За несколько мгновений созерцания сказочного создания Кадисса лишь широко раскрыла глаза и встала, прижав руки к телу, не в силах пошевелиться. Глаза волчицы заворожили девушку, постепенно из поля зрения стали пропадать и часовые, и яма, и даже голубое небо. Разум занимали лишь горящие глаза и их причудливая траектория движения. Они оставляли след, какой оставляет рука престарелого художника, заставшего врасплох внезапным тремором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5j3>